

У $\frac{6}{133}$

врангелъ

М. Бутковъ

ОЧЕРКЪ ПУТИ

*1/6
133*

ИЗЪ

2 р. 50. а

СИТХИ ВЪ С. ПЁТЕРБУРГЪ,

Ф. Врангеля.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра.

С. Петербургъ, 16-го Ноября 1836.

Ценсоръ С. Куторга.

2007096515

ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ

СИТХИ

въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ты находился въ сомнѣніи, спарый другъ мой, на счетъ пуши, копорымъ мы возвращились сюда изъ Ситхи. Тебѣ извѣстно, что семь лѣтъ тому назадъ, мы выѣхали изъ С. Петербурга чрезъ Московскую заставу, и благополучно проѣхавъ, съ женою и ребенкомъ, около 11,000 верстъ, по Россіи и Сибири до Охотска, на суднѣ Россійско-Американской Компаніи переплыли Океанъ, и вышли на землю на сѣверозападномъ берегу Америки, въ Ситхѣ, у Ново-Архангельска, ко-

порый долженъ былъ въ теченіе пяти лѣтъ служить намъ мѣстопробываніемъ. Это время пропекло — и въ одно прекрасное утро ты видишь, что мы изъ Кронштапта пристаемъ на Англійской Набережной въ С. Петербургъ; узнаешь, что наше времясчисленіе цѣлыми сутками ушло впередъ Европейскаго, и естественнo заключаешь, что мы на пупи своемъ держали на востокъ, хотя мы можемъ увѣришь, что не касались экватора. Между Сисхою и Петербургомъ простирается материкъ Америки, Атлантическій Океанъ и западная Европа: безчисленны пущи, кошорые мы могли избрать для доспигенія нашей цѣли. Съ удовольствіемъ сообщаю тебѣ краткое обозрѣніе того, кошорый мы выбрали.

Мы отплыли изъ Сисхинскаго Залива 24-го Нолбря 1835, на компанейскомъ суднѣ Сисха, подѣ командою Ка-

пригласил лейтенанта Митькова. Преемникъ мой въ колоніяхъ, Капитанъ 4-го ранга Купреяновъ, за мѣсяць передъ тѣмъ, прибылъ туда съ своею любезною супругою, коей пріятное общесѣвство доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствію, что вообще, въ кругу знакомства въ Ново-Архангельскѣ едва происходили перемѣны. Онъ проводилъ насъ до залива, со многими офицерами. Мы бросили послѣдній взоръ на скалу, гдѣ провели пять лѣтъ, гдѣ покидали могилу милаго дитяти, сопутствовавшаго намъ по Сибири, и съ умилеиіемъ расстались съ эшимъ мѣстомъ, его добродушными, преданными намъ жишелями, и съ ревностными моими сослуживцами, коихъ усердіе въ исполненіи обязанностей будешъ для меня всегда пріятнымъ воспоминаніемъ.

Мы поплыли къ главному городу Верхней Калифорніи, Моншерею, и пре-

*

перпѣвъ подъ 44° ш. сильную бурю съ градомъ , молніею и лепучимъ огнемъ на реяхъ, въ шемную ночь, 17-го Декабря, бросили лкорь въ Монпереъ. Послѣдовавшая , за два мѣсяца предъ шѣмъ, смерть Губернашора Калифорніи, Генерала Фигероа, повергла эшошъ край въ плачевное положеніе , шѣмъ болѣе, что важныя запрудненія, при введеніи новыхъ постановленій Мексиканскаго Конгреса, еще не были успранены; недоспапокъ въ деньгахъ, и безъ того уже чувствительный, сдѣлался еще шягоспѣе опъ спѣснительныхъ для торговли законовъ , и скудные способы Правительсва опъ неурожая и освобожденія Индѣйцевъ, соспо-явшихъ до того подъ надзоромъ миссій, до такой степени изсякли, что надобно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для прокормленія гарнизона, кошорый, въ полномъ комплекшѣ , состоишъ изъ 30 человекъ

конныхъ , 30 пѣхотинцевъ и 20 аршиллеристовъ.

Пока судно наливалось водою и запасалось свѣжею провизіею, мы, для развлеченія, сошли на землю. Поселившійся въ Моншеревъ Шошландецъ предложилъ намъ свой кабріолешъ, мула, верховыхъ лошадей и общество свое и своей жены, здѣшней Испанской креолки, для поѣздки въ миссію Санъ-Карлосъ. Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе. Офицеры судна, услужливый Шошландецъ и я, верхомъ, сопровождали дамъ, вѣхавшихъ въ кабріолешъ, везомомъ муломъ и лошадыю, на кошорой сидѣлъ Индѣецъ.

Ты вѣрно помнишь еще нашу поѣздку въ 1818 году? Крупныя горы и густыми тучами покрытое небо Камчапки, Кадьяка и Сисхи были послѣдними предметами, кошорые тогда запечатлѣлись въ нашей памяти; потому мы съ неописанною радостію

привѣтствовали прелестные холмы и долины Калифорніи, подобные паркамъ дубовые лѣса, бархатные зеленые луга и зыблющіяся пашни, которые живописно смѣнялись и восхищали взоры наши на краткомъ пути изъ Моншерея въ Санъ-Карлосъ. Въ миссіи принялъ насъ радушно почтенный пашеръ, и гостепріимно угостилъ чужеземцевъ. Жилища, плодовый садъ, дѣятельность Индѣйцевъ — все являло порядокъ и благосостояніе заведенія.

Сколь многое измѣнилось съ того времени! Чистый теплый воздухъ, ясное голубое небо, прелестные холмы были тѣ же, какъ и тогда; мы и теперь, послѣ долгаго лишенія, наслаждались тѣми же красивыми видами; но человекъ въ дѣлахъ своихъ не осмался сшоль посшояннымъ, какъ природа въ своихъ произведеніяхъ. Каменные строенія миссіи развалились, запустѣли, поля не воздѣланы, Индѣй-

цы предались праздности, и вмѣсто ошкровеннаго, добродушнаго Каспильца, тогдашняго папѣра, встрѣшилъ насъ угрюмый, недовольный, необразованный Мексиканскій монахъ.

Не будемъ останавливаться въ сей несчастной, но не смотря на то, прекрасной странѣ; поспѣшимъ далѣе, ибо путь еще длиненъ. Въ самый день Новаго Года, по новому стилю, мы опять вступили подъ паруса, и послѣ спокойнаго быстраго плаванія на югъ, бросили якорь на рейдѣ Санъ-Бласъ, въ день Новаго Года, по старому стилю. Мы внезапно перешли въ жаркій поясъ, подъ $21^{\circ} 32'$ широты, на берегъ Мексики. Свѣжій морской вѣтеръ умѣрялъ днемъ тягостный жаръ, а растянутая на палубѣ палатка, защищала насъ отъ палящихъ лучей солнца. Мы услаждали вкусъ свой прекрасными тропическими плодами, которые во множествѣ приво-

зили намъ съ берега; наши Сипхинскіе креолы и Сибиряки также не упустили лакомиться банаами, анелъсинами, лимонами, кокосовыми орѣхами, кошорые при 20° тепла весьма пріятно освѣжаютъ; свѣжее молоко, мягкій хлѣбъ и усприцы, которыя здѣсь расшупъ на деревьяхъ, не оставляли ничего болѣе желать свѣршымъ гаспрономамъ. Касательнo усприць должно замѣшшъ, что онѣ насѣдающъ на опущенныя въ воду вѣтви кусшарника, расшущаго на морскомъ берегу; рыбахъ, на лодкѣ, подѣзжаетъ, вынимаетъ вѣтвь изъ воды, снимаетъ усприцы, которыя крупнѣе, а съ прочими опашъ опускаетъ вѣтвь въ воду.

Здѣсь я намѣренъ былъ сойти съ судна, и сухимъ пушемъ вновь пробрашъся къ Атлантическому Океану. Посему обратился я къ мѣстному начальству съ просьбою о паспортѣ; но весьма естествоенно, что я встрѣ-

тила зашрудненія въ шакой землѣ, гдѣ революціи сдѣлались обыкновенною вещью, и ни одной партіи не удаешся присвоить себѣ прочную власть, пошому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду общей пользы, но всѣ руководствуются жадностію къ богатству и почестямъ; пришомъ же, Санъ-Бласъ весьма опдаленъ отъ главнаго правленія въ Мексикѣ. Таможня была единственное управленіе, кошорое предъавляло право вступишься въ мое дѣло. Явились чиновники, которые съ большою подробностію начали собирать справки объ насъ и нашихъ намѣреніяхъ, исписали нѣскольکو листовъ бумаги, и чрезъ два дня объявили, что, по какимъ-то законамъ, мнѣ нельзя пройти чрезъ республику. Англіійскій Консулъ, Г-нъ Барронъ, живущій въ городкѣ Тепикѣ (въ двухъ дняхъ пути отъ Санъ-Бласа, за горами), къ кошорому я также обращал-

ся, личнымъ своимъ вліяніемъ устранилъ сіи препяшствія ; къ великому успокоенію моему, прислалъ онъ очепь привѣтливое приглашеніе къ себѣ въ Тепикъ , дабы тамъ приготовишься къ дальнѣйшему пути въ Мексику, и сверхъ того, далъ своему комиссару въ Санъ-Бласъ приказаніе, снабдить насъ выючными мулами, верховыми лошадьми, надежными погонщиками, и выхлопоталъ для насъ паспортъ отъ мѣстнаго начальства. Въ короткое время, все было сдѣлао. Проведя шесть дней на рейдѣ, мы съѣхали на берегъ , чшобы на другой день равно упромъ отправившись въ путь.

Городъ Санъ-Бласъ стоитъ на скалѣ ; чшобы взобраться на нее , сѣли мы на мѣстѣ сходки на ожидавшихъ насъ лошадей, и мѣрнымъ шагомъ вскорѣ въѣхали въ деревню , лежащую у подошвы скалы, на изменной равнинѣ. Самая роскошная пропическая ра-

спешность предсказалась нашимъ
взорамъ въ садикахъ, мимо которыхъ
пролегла дорога; хижины изъ бамбу-
коваго шросника, крыши пальмо-
выми листьями, стояли разбѣянно въ
густой тѣни тамариндъ, манговыхъ
деревъ и плапановъ; золотые апель-
сины, какъ огненные шары, свѣши-
лись сквозь зелень многочисленнѣй-
шихъ распецій, коихъ разнообразіе,
по формѣ, цвѣту и величинѣ листьевъ,
цвѣтовъ и плодовъ, изумляло чуже-
земцевъ. Ручные попугаи, переселен-
ные изъ близкаго лѣса въ воздушныя
жилища поселянъ, забавно свиспали и
кричали ломанымъ Испанскимъ язы-
комъ; мужчины и женщины занима-
лись на открытомъ воздухѣ домаш-
ними дѣлами своими, и загорѣлая,
полнощекія дѣти, нагія играли на го-
рячемъ песку. Эта сцена внезапно из-
мѣняется съ нашествіемъ дождей,
которые начинаются въ Маѣ; равни-

на превращается въ болото, коего смертоносныя испаренія заражаютъ атмосферу; жишели сонными умираютъ отъ ужасныхъ лихорадокъ, и счастливъ, кто можетъ спастись въ горы. Санъ-Бласъ есть самое нездоровое мѣсто въ республикѣ; нигдѣ лихорадки не свирѣпствуютъ съ такою жестокостію; не смотря на то, именно въ Санъ-Бласъ, не было холеры, хотя въ 16 легахъ далѣе, въ горахъ, въ Тепикъ, изъ 8,000 жителей умерло отъ нея 1,000 человекъ.

Взобравшись на скалу, въ городъ Санъ-Бласъ, мы увидѣли картину разрушенія: казармы, церкви, публичныя зданія, укрѣпленія, все каменное, сползли въ развалинахъ, какъ печальные памятники исчезнувшаго лучшаго времени; во внутренней гавани, внизу, на берегу, гнили обломки кораблей, построенныхъ на здѣшней верфи до революціи; теперь не достаетъ спо-

собою, чшобы поспроишь хотя одну небольшую лодку, и вся морская сила республики на Тихомъ Океанѣ состоитъ изъ одного корвета, съ шестью пушками разнаго калибра. — Мы приѣхали въ торговый день; на такъ называемой Большой Площади (plaza mayor) толпились сельскіе жишеди и мулы, которые, бывъ освобождены отъ привезенныхъ на продажу плодовъ, зелени, живности, лицъ, глиняной посуды и другихъ предмешовъ, бродили посреди разрушившихся зданій, ища колючей шравы, вырастающей изъ стѣнъ. Управляющій таможенною, который сдѣлался снисходительнѣе, вѣроятно, по посредничеству Г-на Баррона, вечеромъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; онъ много рассказывалъ намъ съ Испанскимъ красно-рѣчіемъ, о великолѣпномъ смотрѣ войскъ въ Калишѣ, коего описаніе со-

спавало предметъ ежедневныхъ разговоровъ въ Санъ-Бласъ.

На другой день, предъ восходомъ солнца, нашъ караванъ отправился въ путь: моя жена, я съ четырехлѣшнимъ сыномъ нашимъ, слуга, горничная (креолка съ Уналашки), двое погонщиковъ муловъ, босопогихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, и проводникъ, закушанный въ свою серапу, вооруженный шпагою и огромными шпорами, слѣдственно всего семь всадниковъ и пять вьючныхъ муловъ. Спустившись съ Санъ-Бласской скалы, ѣхали мы, скользя шагомъ, болѣе 3-хъ часовъ по тропѣ, проложенной чрезъ болошистую, необишаемую и неводѣланную равнину, между пальмовыхъ рощей и бамбуковаго просѣлка. Проводникъ нашъ, Донъ Езусъ, показалъ намъ небольшую деревеньку, въ которой мы могли позавтракать. Жаръ, при безоблачномъ небѣ, въ это время года былъ

неспернимъ, и часъ отдыха весьма прилпшенъ; лошадей и муловъ поставили въ шѣнь, и у хозяйки одной жижины заказали завтракъ, состоявшій изъ дурной воды, вареныхъ frijoles, родъ черныхъ бобовъ, tortillas, лепешекъ изъ мансовой муки, шягучихъ и невкусныхъ. На дальнѣйшемъ пути встрѣчали мы деревни, окруженныя сахарными и платановыми плантаціями и мансовыми полями, и на ночь остановились въ rancho, или фермѣ богатой вдовы, Доны де Мануэля. Въ этой странѣ, путешественникъ долженъ отказаться отъ всякихъ удобствъ, и приготоовиться къ ужасной дороговизнѣ: полдюжины лепешекъ и блюдо бобовъ стоили Испанскій піаспръ (5 р.); если ему посчастливилось достать яичницу, то заплашишь полпіаспра, а за курицу піаспръ. Печеный хлѣбъ и вино можно найти только въ большихъ деревняхъ (руевъ-

las) и городахъ; но щедро спадъ бы онъ спрашивашъ молока и масла; ему отвѣчаютъ, чшобы приходилъ во время водъ, en tiempo de las aguas, а теперь зима, и скошъ шерпашъ недоспашокъ въ кормъ, ибо высохшая земля не произращаетъ травы. Для ночлега отводятъ сарай, безъ скамей, спульевъ и споловъ, и такой rasado, venta или meson, какъ называются эти ночлеги для путешественниковъ, пользуешься доброю славою, если дверь плотно зашворяется, и въ глиняныхъ спѣнахъ нѣшъ шрецинь, шириною въ ладонь, и диръ, въ кошорыя можно просунуть голову.

По здѣшнему обычаю, предъ восходомъ солнца мы опять сидѣли на лошадяхъ. Мы покинули tierra caliente, и посшепенно поднимались въ горы къ Тепнку, стоящему въ такъ называемой, умѣренной полосѣ, tierra templada, этой удивительной земли. Въ горахъ

воздухъ былъ не такъ душенъ, какъ на равнинѣ, но солнечные лучи все еще сильно жгли, и тѣмъ болѣе, что мѣста болышею частію безлѣсны, и всадникъ находилъ тѣнь только въ садахъ около деревень.

По мѣрѣ приближенія къ городу, увеличивается народонаселеніе, и земля становится обработаннѣе; плодовые сады съ прекраснѣйшими апельсиновыми деревьями окружаютъ жилищныя поселенія; сахарныя плантаціи, маисовыя поля, плантаціи магея разсѣяны повсюду, и ограничиваются рядами плантановъ, коихъ саженыя листья висятъ до земли. Распеніе магей есть родъ алая, *agave americana*, изъ сока коего дѣлается водка, *moskal*; далѣе на востокъ дѣлаютъ изъ этого сока напитокъ легче и здоровѣе, *pulque*. Астеки приготавливали изъ длинныхъ листьевъ бумагу для іероглифическаго письма своего, и теперь еще

изъ волоконъ вьютъ веревки. Мѣстами попадающія сахарныя заводы, для выдѣлки москаля, и по дорогѣ хижины, въ которыхъ продаютъ спѣлые плоды, сигары — *rigos* и *parellitos* — москаль, подѣ букетами цвѣтовъ, со вкусомъ распавшихся.

Мы пріѣхали въ Тепикъ въ полдень, и покрытые пылью, взвѣхали на просторный и украшенный цвѣтами дворъ Г-на Баррона, который принялъ насъ дружелюбно, и ввелъ въ великолѣпно меблированныя покои, чинобы предсказать своей фамиліи. Такимъ образомъ, мы по чужеземности очутились въ Европейскомъ городѣ, въ обществѣ образованнаго семейства. Радущая встрѣча Г-жи Барронъ, веселое, пріятное обхожденіе любезныхъ и прекрасныхъ ея дочерей, высокое музыкальное дарованіе двухъ старшихъ, Доны Долоресъ и Доны Мануэлы, занимательная бесѣда самого Г-на

Баррона, однимъ словомъ, все видѣнное нами въ домѣ эпой доспойной уваженія фамиліи, досшавило намъ несказанное удовольствіе, и послужило подкрѣпленіемъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, которыми, послѣ долгаго лишенія, пользовались мы цѣлую недѣлю. — Однако же я не долженъ распространяться: попытаюсь въ общихъ чертахъ описать тебѣ дальнѣйшее наше путешесствіе, не останавливаясь на городахъ и деревняхъ, чрезъ которые мы проѣзжали. Г. Барронъ уговорилъ Gele politico, который рѣшипельно хотѣлъ воспретить намъ ѣхать далѣе; онъ позаботился также о лошадяхъ, мулахъ и погонщикахъ. Верховая ѣзда изъ Санъ-Бласа была не слишкомъ тягостна женѣ моей, за исключеніемъ солнечнаго удара въ руку; сынокъ нашъ много забавлялъ себя и насъ, на своей красивой лошади, болповнею съ друзьями

своими, Испанцами, которые спарались выучить его своему языку; и такъ мы могли съ бодрымъ духомъ ѣхать далѣе.

Я назвалъ бы Мексику землею противоположной. На разстояніяхъ соразмѣрно корешкихъ, смѣняющіяся самыя пущыя степи съ прекраснѣйшими садами и плантаціями; необозримыя равнины съ высящимися до небесъ горами; безлюдныя пространства съ населенными селами и городами; холодный упрямый воздухъ съ палющимъ полуденнымъ зноемъ; сосновые лѣса съ бананами и сахарнымъ проспикомъ; мѣднаго цвѣта черноволосые Мексиканцы съ бѣлокурными Испанцами. Безлѣсныя степи на горахъ несказанно пущы въ сухое время года. Глинистая и каменистая почва обнажена отъ всякой растительности; изрѣдка на обширномъ пространствѣ встрѣчается колючій нопаль, наполо-

щій Мексиканскій кактусъ; горизонты опоясываютъ голыя горы, воздухъ сухъ, небо ясно, и солнце распалаетъ людей и животныхъ до разслабленія: на пути чрезъ степь они тщетно ищутъ прохладной тѣни и освѣжающей воды. Гологоловый коршунъ, называемый *zorolote*, лѣниво носится надъ степью, и опускается тамъ, гдѣ привлекаетъ его запахъ мертвечины. Эта печальная картина степей Мексиканской равнины между Тепикомъ и Гвадалахарою, простирающихся на многіе десятки миль, самымъ пріятнымъ образомъ оживляется внезапнымъ появленіемъ пшички огненнаго цвѣта, величиною съ нашего воробья (это не кардиналъ, котораго мы видѣли въ Перу; впрочемъ онъ также водится въ здѣшнихъ лѣсахъ); она свѣтится въ воздухѣ, какъ раскаленный уголь, на лету или качаясь на вершинѣ нопала. Эту прекрасную пшичку назы-

вали мы *другомъ*, изъ благодарности за удовольствіе, которое доставляло намъ ея появленіе: обыкновенно показывалась она по близости жилыхъ мѣстъ, ибо гдѣ есть ключи и могутъ быть употреблены для поливки мансовыхъ полей, сахарныхъ плантацій и банановыхъ рощей, тамъ вѣрно встрѣпишь красивую деревеньку, которая, съ зелеными садами и полями своими, какъ оазисы въ песчаныхъ моряхъ Африки, пріятно изумляетъ упомянаго путешественника. Иногда дорога идешь по краю глубокаго оврага, коего влажное дно обнѣпаетъ и воздѣлано, и куда взоры обращаются съ вождѣніемъ, пока дорога не свернетъ опяшь въ сухую, безжизненную, скучную степь. Потомъ сцена перемѣняется; мѣстоположеніе становится разнообразнѣе; въѣжаешь въ хвойную рощу, родъ Сибирскихъ кедровъ, но не высокаго роста, въ пылхъ коняхъ

цвѣтушъ лупины, того же рода и цвѣта, какъ и покрывающія въ Кадьякѣ большіе дуга; если бы не встрѣчался намъ другъ нашъ, огненная пшпичка, мы могли бы забыть, что находимся между тропиками.

На ночь мы всегда останавливались въ селеніяхъ. Хижины поселянъ на горныхъ равнинахъ не изъ тростника, какъ въ жаркой полосѣ, но изъ нѣжной глины; въ нихъ вѣшь сѣшкообразной рогожной койки и качающагося въ ней кресла, нѣтъ и круглыхъ, изъ бамбуковаго тростника сплетенныхъ креселъ; все прочіе и соопвѣтственіе суровѣйшему климату. Жилище кресла меблировано слѣдующимъ образомъ. Въ одномъ углу, или у стѣны противъ дверей, стоитъ образъ Святаго или Гваделупской Богоматери; у другой стѣны, на полкахъ, разставлены тарелки, чашки и глиняная посуда; на прешей виситъ

гишара, войлочная шляпа съ широкими полями, и длинная, прямая, съ обѣихъ сторонъ острая шпага, съ слѣдующимъ изрѣченіемъ, которое золотыми буквами насѣкается на свѣшлой шпаги:

No me satues sin rason,

No me enbaines sin honor.

Очагъ спрощенъ въ особенной хижинѣ, подлѣ жилого дома; тамъ, во всякое время дня, увидишь одну изъ женщинъ семейства, сплюснутую на колѣняхъ и перетирающую между камнями маисовыя зерна въ муку, которая употребляется на лепешки для семейства и заѣзжихъ. Куски мяса висятъ подъ крышею для сушки; ихъ рѣжутъ, варятъ съ зеленымъ или краснымъ стручковымъ перцемъ въ глиняномъ горшкѣ, и это составляетъ любимое кушанье Мексиканцевъ. Хотя хозяйство ихъ съ перваго взгляда кажется несопряженнымъ, но они на-

блюдающъ величайшую чистоту въ изготовленіи кушанья; ихъ глиняная посуда, сосуды для воды, кошіорые сохранили свою форму со временъ Монтесумы, всегда бывающъ чисты, и они ничего не ставяшъ на огонь, именно ни какого мяса, не вымывъ прежде мыломъ, и не выполоскавши. Они всегда услуживали намъ съ дружелюбіемъ, и обращались съ большимъ вниманіемъ, за исключеніемъ непомѣрныхъ цѣнъ за дурную пищу.

Проѣхавъ около 48 легъ отъ Тепика, мы на третій день всѣхнули въ страну, кошіорая, по особености своей и по непреодолимому впечатлѣнію, на насъ произведенному, заслуживаетъ упоминанія. Какъ далеко достигали взоры, земля была покрыта черными шлаками и кусками лавы, часто огромной величины; ни малѣйшее разнообразіе не развлекало устращенныхъ взоровъ; черная, изрытая,

обширная равнина простиралась подъ ногами нашими до краевъ горизонта. Трудно составить себѣ понятіе о такой совершенной картинѣ смерти въ природѣ! Въ тундрахъ сѣверной Сибири, копорыя зимою покрываются какъ бы саваномъ, и въ лдяной равнинѣ полярнаго моря, думалъ я нѣкогда видѣть символъ смерти; но игра солнечныхъ лучей, преломляющихся объ ледъ и снѣжные кристаллы, имѣешь свою прелесть; бѣлая равнина блестящъ тысячами алмазовъ, смарагдовъ, рубиновъ; а когда солнце скроешся въ густомъ снѣжномъ вихрѣ, движеніе падающихъ хлопьевъ и чистая бѣлизна ихъ вновь напоминаютъ о жизни. Здѣсь же, на мѣстѣ необъяннаго горнаго пожараща, гдѣ владычествуешь совершенное опустыніе цвѣтновъ, глазъ, куда бы ни обратился, видить только черныя массы: по истинѣ, едва ли воображеніе мо-

жестъ создать что либо ужаснѣ этого зрѣлища! Лишь только перебрались мы чрезъ сей попухшій краперъ, какъ намъ показалось, что изъ мрачной могилы вступили мы въ веселую жизнь. Свѣшлозеленые мапсовыя поля, темносинія агавы, зеленовапо-желтый сахарный тростникъ, покрывали почву, какъ бархатные ковры, и дѣлательное населеніе деревни Ahuacatlan, уподобляло ее немаловажному городку. Она стояла на рѣчкѣ; въ ней прямыя улицы, камешныя спроенія, красная церковь, лавки и, что для насъ было всего важнѣе, порядочный, съ окнами и дверьми, постоялый дворъ, *pasado*. Красивѣйшихъ кипарисовъ мы не видали, развѣ только въ Крешеро; во многихъ садикахъ деревни стояли группами апельсиновые деревья, обремененныя золотыми плодами, и ряды банановъ тянулись вдоль берега рѣчки. Мы пріѣхали ровно въ полдень, и не-

сказанно сшрадали отъ жары на улицахъ. Мой термометръ Реомюра, стоявшій въ 7 часовъ утра на 7° тепла, показывалъ въ полдень въ тени 20°, а на солнцѣ 35 $\frac{1}{2}$. Такъ какъ мы на прогулкѣ по улицамъ совершенно подвергались солнцу, то въ теченіе пяти часовъ, изъ осенней Сипххинской температуры перешли въ температуру горячихъ сѣрныхъ ключей.

На пути изъ Тепика, мы каждый день встрѣчали караваны, шедшіе съ иностранными товарами отъ морскаго берега въ провинціи, или изъ внутреннихъ областей къ морю. По близости Агуакашлана случайно сошлось изъ разныхъ сторонъ болѣе 1000 муловъ. Изъ сѣверныхъ деревень шли обозы съ мыломъ, другіе со шляпами и водкою; изъ Гвадалахары, съ глинами и мѣдною посудой, а съ юга, изъ Колимы, съ кокосовыми орѣхами. Мы купили ихъ нѣсколько, по реалу

(65 коп.) орѣхъ , и утолили жажду сладкимъ, освѣжающимъ молокомъ. Погонщики муловъ, *agüeros*, и поселяне, *ganaderos*, большею частію населяющіе Мексиканцы, попомки древнихъ Асшековъ; они говорятъ по-Испански, но кажется, сохранили характеръ своихъ предковъ. Они народъ добродушный, услужливый, которымъ легко управлять; они заслуживаютъ достойнѣйшихъ правителей и наставниковъ, нежели Испанскіе креолы, которые теперь управляютъ ими.

Проѣхавъ около 3 легъ за небольшую деревню Окоме, стоящую въ каменистой, дурно обработанной странѣ, мы начали подниматься на горы, чрезъ которыя проложила себѣ дорогу рѣка Санъ - Яго, впадающая при Санъ - Бласъ въ море; она образуетъ цѣлый рядъ водопадовъ, которые въ дождливое время, говорятъ, очень величественны; теперь же были незна-

тишельны. Огромныя горныя ущелія, *hagapcas*, въ кошорыя надобно спускашся вдоль необыкновенно крутыхъ скашовъ горъ, несказанно затрудняють путь, и составляютъ непреодолимое препятствіе въ продолженіи проѣзжей дороги. Изсѣченная въ камнѣ тропа ведетъ зигзагами по стѣнѣ утеса; всадникъ касается ея правою ногою, а лѣвая виситъ надъ пропастью, на днѣ коей деревья въ 150 фушовъ вышины кажутся низкимъ кустарникомъ. Если лошадь оступится, то всадникъ погибъ; онъ долженъ положитьсь на вѣрный ходъ своего коня, или ѣхать на мулъ, который, съ удивительнымъ искусствомъ, то скапывается, распянувъ ноги, то, почти можно сказать, по зрѣломъ размышленіи, ощупавъ переднею ногою, цѣпляется за твердый камень, и вдругъ поднимается. Если посмотришь снизу, какъ караванъ взби-

раешься на стѣну утѣса, то непонятнымъ кажется, какъ они могутъ держаться на ней, и невольно овладеешь зрителемъ страхъ, чѣобы живошныя съ грузомъ и всадниками не полетѣли стремглавъ въ пропасть. Встрѣча двухъ каравановъ чрезвычайно опасна: надобно было случиться, чѣобы и мы подверглись такой опасности, и чѣобы, по милости Божіей, съ нами не случилось несчастія. Муловъ разгрузили, всадники сошли съ лошадей, и вьюки надобно было спастись съ дороги, чѣобы возможно было подвинуться впередъ; это стоило песказанныхъ трудовъ и потерь времени.

Послѣ этого примѣчательнаго перехода, мы опять очутились въ открытой странѣ. Мы ѣхали скорою рысью по равнинѣ, производящей только группы кактусовъ. Вѣрный проводникъ нашъ, Донъ Карлосъ, пришло-

ривалъ свою лошадь; мы слѣдовали за нимъ; казалось, мы боялись горныхъ духовъ изъ страшныхъ ущелій, или спѣшили къ какому нибудь важному событію. Вдругъ Донъ Карлосъ оборотился къ намъ, протянулъ руку впередъ, и закричалъ: *el socio, el socio!* Это была карета, которую Г. Барронъ приказалъ выслать намъ на встрѣчу изъ Гвадалахары, а деревенька *Tequesquite* есть первое мѣсто, гдѣ спавовишся возможнымъ ѣхашъ на колесахъ. Отъ Тепика до сего мѣста *арісеросы* счишаютъ 39 легъ, которыя мы проѣхали въ пять дней. На продолжительномъ путешествіи изъ С. Петербурга, мы въ экипажѣ на колесахъ доѣхали до Иркутска, и только здѣсь могли опяшъ ѣхашъ такимъ же образомъ. На другой день отправились мы далѣе въ каретѣ, нѣсколько старомодной, но очень удобной, запряженной восемью мулами; по-

вый проводникъ нашъ , Игнасіо Мар-
пини, вооруженный, ѣхалъ на росломъ
конѣ, то подлѣ насъ, то впереди, ука-
зывая дорогу, кошорой, по настоя-
щему, вовсе не было; она была усыя-
на такими крупными камнями, что
я удивляюсь, какъ Игнасіо далъ свою
карешу для такой ѣзды, и не могу
понять, какъ благоразумному человѣ-
ку могла прійти странная мысль
ѣхать здѣсь въ каретѣ, хотя при-
рода ни въ какой другой землѣ не пред-
ставляла человѣку такихъ удобствъ
для устройства проѣзжихъ дорогъ, какъ
на горной равнинѣ въ Мексикѣ. При
настоющемъ состояніи дороги, путеше-
ствіе верхомъ было бы пріятнѣе,
безопаснѣе, удобнѣе и дешевле.

Двадцать пять легъ до Гвадала-
хары проѣхали мы въ два дня. Мы
остановились у просторной всенны,
въ нѣсколькихъ легахъ отъ города,
чтобы взять прикрытіе, потому что

близъ большихъ городовъ часто случаются разбои, почему и у венцы стоялъ кавалерійскій пикетъ. Лучшія войска уведены были въ Техасъ, а для оп-
равленія гарнизонной службы, оставлены рекруты, по наружности ко-
ныхъ едва можно было догадаться, что они военнослужащіе. Пятеро такихъ жалкихъ молодцовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, нѣсколько постепеннѣе, присоединились къ намъ, въ видѣ охран-
ной стражи, и въ чрезвычайно весе-
ломъ расположеніи духа поскакали под-
лѣ нашей кареты. Не доѣзжая версты
двухъ до городской заставы, *garita*,
кареша остановилась; *las tropas*, какъ
нашъ Игнасіо называлъ эту сволочь,
сшли во фронтъ; унтеръ-офицеръ
подѣхалъ къ каретѣ съ объявленіемъ,
что мы теперь въ всякой опасно-
сти, и что намъ уже нечего боять-
ся, если я не откажу ему въ прилич-
номъ награжденіи. Эта рѣчь была до-

волью откровенна, и сполна внима-
нія; я думаю, Иравншельство, не въ
сосполніи будучи выплачивашъ жало-
ванье эшимъ воинамъ, предоставило
пушешественикамъ пощечіе удо-
влешворять ихъ, подъ видомъ награ-
жденій.

Въ Мексиканскихъ городахъ нѣтъ
воровъ, кишоря бы можно было за-
пирать; la garita значить собственно
караульную безъ караула; на наружной
спѣтѣ, часовой шолько намалеванъ во
весь роспѣ; заспавный писарь и ша-
моженный чиновникъ, въ одномъ лицѣ,
выходитъ изъ гариты, записываетъ
имя и званіе проѣзжаго, спрашиваетъ,
нѣтъ ли запрещенныхъ товаровъ, и
если чиновникъ въ холстинной курш-
кѣ, въ добромъ расположеніи духа, по
довольствуется сдѣланными ему оп-
вѣшами.

Неперпѣвіе наше увидѣтъ эшотъ
знаменишый городъ было удовлешво-

рено самымъ пріятнымъ образомъ, ибо съ безлѣсной равнины, по которой идетъ дорога, предметы видны въ значительномъ отдаленіи. Гвадалахара, съ церковными башнями и монастырями и множествомъ садовъ, представляла живописный видъ; на небольшомъ возвышеніи надъ городомъ и позади его стоялъ Puebla San Pedro — дачи богатыхъ горожанъ — съ безчисленными садами, сквозь роскошную зелень коихъ едва видѣющіяся выбѣленные дома. Но намъ должно бы остаться на нашей точкѣ зрѣнія, чтобы не изгладить пріятнаго впечатлѣнія, ибо въ улицахъ городъ представляется въ весьма невыгодномъ видѣ, и совершенно похожъ на большія деревни, которыя мы гомовы были почести за города, пошому что онѣ сами не имѣютъ пріязанія на это названіе; напропивъ того, *второй городъ* республики мы охотно на-

звали бы большою деревнею, не смотря на то, что въ немъ 60,000 жителей.

Почти все города въ Мексикѣ построены по одному плану: улицы, совершенно прямыя, пересѣкающіяся подъ прямыми углами; соборная церковь стоитъ обыкновенно на обширной четырехугольной площади, plaza mayor, на которой сплослся и значительнѣйшій зданіа, между коими оплечающагося домъ мѣстнаго управленія и рядъ лавокъ, portalis; по срединѣ площади, четырехугольное мѣсто обсаживается шѣнистыми деревьями. Въ Гвадалахарѣ соборъ стоитъ на небольшой площади, а въ Мексикѣ на этой площади нѣтъ аллей: это исключеніе. Дома, построенные изъ камня и жженой глины, рѣдко бывающъ выше двухъ этажей, и все кроющагося совершенно плоскими, горизонтальными крышами, отъ чего городъ кажется

непривычному глазу еще недостроеннымъ. Это обспояшельство и особенность движенія на улицахъ, которое хотя и значительо, но преимущественно состоитъ изъ транспортовъ вьючныхъ ословъ и муловъ, или тяжелыхъ пелѣгъ, запряженныхъ 6 и 8 волами; проѣзжающіе на ослахъ поселяне, особенно пѣшеходы въ самомъ бѣдномъ одѣянїи, въ такихъ лохмотьяхъ, что надобно удивляться искусству, съ какимъ умѣютъ надевать ихъ; рѣдкое появленіе порядочнаго экипажа, и еще рѣже прилично одѣшаго пѣшехода — эта особенность, это ошсуществіе изящества и богатства на улицахъ, даетъ Гвадалахарѣ болѣе видъ многолюднаго торговаго селенія, нежели города, впрочемъ въ республикѣ по богатству, населенію и образованности. Но когда глазъ привыкнетъ къ низкимъ строеніямъ безъ крышъ, къ проходящимъ

по улицамъ осламъ, муламъ, воламъ и всякой сволочи въ лохмотьяхъ; когда путешественникъ примется разсматривать городъ по частямъ, тогда онъ опдасъ данъ удивленія величественности общественныхъ заведеній, красотъ, изяществу и великолѣпю церквей и монастырей; онъ не замедлитъ сознашья, что Гвадалахара достойна бытъ главнымъ городомъ столь важнаго Штата, какъ Халиско, и изъ всѣхъ городовъ республики наиболѣе заслуживаетъ вниманія. Зданія, каковы нынѣшній арсеналь, въ копоромъ, при Испанскомъ правленіи, воспитывались обоего пола дѣти бѣдныхъ родителей, съ 24 дворами; городской госпиталь, весьма сообразно устроенный на 1000 больныхъ; Академія Художествъ, гдѣ и теперъ еще обучаются болѣе 300 воспитанниковъ, и гдѣ, до упраздненія конфедерациі, въ 1834 году, собирался Конгрессъ

Шпата Халиско ; шабачная фабрика, на которой изготовляется ежегодно до 60 миллионов *parellitos*, и ежедневно работают больше 1000 женщин ; многія церкви и монастыри, въ особенности соборъ величественной архитектуры, украшенный внутри съ большимъ вкусомъ и великолепіемъ, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшій во всей Мексикѣ ; — эти зданія обратили бы вниманіе даже въ нашей сѣверной столицѣ, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія жителя Сѣвера, что въ нихъ владычествуетъ благотѣльное вліяніе южнаго неба — проспоръ, обиліе цвѣтовъ, фонтановъ. Площадь, съ дворцомъ правительсва и рядами лавокъ, представляетъ живописный видъ. *Alameda* есть публичный садъ, который теперь хотя и запущенъ, но еще свидѣтельствуетъ о прежней своей красотѣ и величіи ; *Paseo* — 4 ряда высокихъ пышныхъ

липъ и ясеней, кошорые вдоль канала обходятъ почти весь городъ, и составляютъ, по воскреснымъ днямъ, прогулку высшихъ сословій, собирающихся въ экипажахъ и на лошадяхъ. Циркъ для боя быковъ и театръ доставляютъ жителямъ разнообразное удовольствіе.

Коммиссіонеръ Г-на Баррона, тамошній купецъ, Донъ Мануэль Луна, позаботился для насъ о'квартирѣ въ хорошей части города, на самомъ Ра-seo. Взойдя только на одну лѣстницу, имѣли мы четыре просторныя комнаты, но безъ мебели; голыя стѣны; полы, какъ во всей Мексикѣ, кирпичные; окна безъ стисколъ; балконы на улицу, а на заднемъ дворѣ шѣнистый садъ. Вскорѣ явились къ намъ посланные отъ Дона Луны и предложили намъ свои услуги; потомъ представились намъ Сѣверо-Американецъ, настоящій янки изъ Нью-Йор-

ка, Англичанинъ изъ Гибралтара и Ганноверецъ, люди услужливые и пріятные, изъ коихъ послѣдній въ особенности казался обязательнымъ, и дѣйствительно много содѣйствовалъ къ тому, чшобы содѣлать для насъ пребываніе въ Гвадалахарѣ, по возможности, сноснымъ. Извѣстіе о прибытіи Русскаго офицера и Русской дамы возбудило любопытство и Европейцевъ, и Мексиканцевъ; намъ сползло только показаться на балконѣ, чшобы изъ противостоявшихъ домовъ полчасъ выманивъ жителей на балконы, и заставивъ чернь на улицахъ сполпиться въ кучи, и съ удивленіемъ глазѣть на даму, прибывшую опъ сѣвернаго полюса. — Во время прогулокъ по Paseo, за нами бѣгали и зѣвали на насъ; это было шакъ несносно, что мы принуждены были отказать опъ прогулокъ пѣшкомъ,

и, по тамошнему обычаю, нанимали карету.

Мы намѣрены были прожить въ Гвадалахарѣ только нѣсколько дней. Новые друзья наши изъ Европы и Донъ Мануэль повсюду сопровождали насъ, и показывали все достойное примѣчанія. Мы посѣтили театръ, чтобы удовлетворить своему любопытству, и посмощрѣвъ экспоническихъ твореній здѣшняго высшего круга. Театръ просторенъ, но былъ слабо освѣщенъ; оркестръ очень хорошъ, а игра такъ забавна, ящо при представленіи трагедіи Орестъ, публика изъавляла свое удовольствіе громкимъ смѣхомъ. Въ партеръ мужчины сидѣли въ своихъ Мексиканскихъ шляпахъ, и были большею частію закутаны въ плащи, зетарасъ, сарасъ, тапгасъ, коихъ разнообразѣйшія качества и цвѣта означали большое различіе сословій, отъ поденщика до купца

и помѣщика. Не произошло ничего неприличнаго; аплодировали, смѣялись, высклакивали огонь, курили сигары — безъ малѣйшаго нарушенія приличій. Для насъ занимательны были дамы въ ложахъ, съ высокими какъ башни гребнями, и въ Европейскомъ нарядѣ, курившія свои *parellitos*, копорыя какъ жуки свѣтились въ устахъ, и не смотря на то, не помрачали огня черныхъ глазъ. Донъ Мануэль обѣщалъ, чего мы очень желали, сводишь насъ въ женскій монастырь, въ которомъ было 300 монахинь. Подъ его покровительствомъ прошли мы въ наружныя ворота, у копорыхъ встрѣшила насъ настоятельница, и послѣ продолжительныхъ уговоровъ, объявила, что не можетъ впустить насъ во внутренніе покои иначе, какъ съ условіемъ, чтобы мы обязались безусловнымъ ей повиновеніемъ. Исполненіе этого предложенія вѣроятно ка-

залось ей удобнѣе, нежели намъ; мы безъ успѣха оставили это неприспупное мѣсто.

Донъ Мануэль Луна такой оригиналь, что я долженъ короче познакомиться съ нимъ. Онъ Испанецъ, родомъ изъ Кадикса, и служилъ солдатомъ во время нашествія Французовъ: бывъ воспламененъ къ мщенію гибелью отца, сесры и шестерыхъ братьевъ, онъ принесъ въ жертву ихъ пѣвямъ не малое число враговъ. Но послѣ того, ничто уже не могло удерживать его долѣе въ Испаніи; онъ отправился за море, и уже 25 лѣтъ Мексиканскій гражданинъ. Не умѣя ни читать, ни писать, ведетъ онъ обширную торговлю, ссѣтъ главный комиссіонеръ всѣхъ Европейцевъ, имѣющихъ сношенія съ Гвадалахарою, знаетъ всю справу, и имя Луны повсюду употребляется для означенія человека честнаго, чрезвычайно распороп-

наго и оригинальнаго. Испанцы, иноземцы и Мексиканцы равно любятъ его, и онъ ещѣ одинъ изъ немногихъ, копорые избѣгли преслѣдованія за то, что они Испанцы, *gachupinos*, хотя онъ никогда не побойлся сказать пару бранныхъ словъ на Мексиканцевъ и Французовъ. По его увѣренію, брань его основана на опытѣ, и если бы хотя десятая доля ея была справедлива, то эти двѣ націи можно бы было называть самыми недостойными на Земномъ Шарѣ. Но Донъ Мануэль полезетъ, услужливъ, имѣетъ 300,000 піаспровъ, открытый домъ и всегда множество гостей за столомъ: какъ не простить ему выходокъ дурнаго расположенія духа, тѣмъ болѣе, что всегда одна часть общества можетъ припомъ позабавиться на счетъ другой! Почетныя лица Штата и города собираются къ нему обѣдать; покойный Вице - Президентъ, Генераль

Бараганъ , состоялъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ; ему во всякое время открыты всѣ дома, и онъ дѣлаетъ и принимаетъ посѣщенія въ той же одеждѣ, въ которой спойтъ въ своей лавкѣ: въ сѣрой лѣшней курткѣ, широкихъ панталонахъ съ краснымъ кушакомъ по поясу, безъ галстука, и въ войлочной шляпѣ съ широкими полями.

Опасная болѣзнь нашего сына заставила насъ продлить наше пребываніе въ Гвадалахарѣ. Ребенокъ лежалъ при смерти; мать не отходила отъ него, и мысль, что мы и этого впураго дышати лишимся вдали отъ отчизны, терзала насъ. Участіе, оказанное намъ въ это печальное время Дономъ Мануэлемъ, Европейскими знакомцами и особенно Ганноверцемъ, Г-мъ Франке, было для насъ несказанно пріятно; хозяйка дома, въ которомъ мы жили, Испанка, пособляла

женѣ моей ухаживать за больнымъ, а врачъ, докторъ Тамесъ, Мексиканецъ, былъ очень услужливъ, и принималъ участіе въ нашей печали. Опасность миновалась, и, кромѣ милосши Божіей, обязаны мы еще искусству и раченію врача выздоровленіемъ нашего сына. Если докторъ Тамесъ былъ столь же благоразумный и дѣятельный губернаторъ, какъ искусный врачъ (пока конфедерація еще существовала, онъ сдѣлался губернаторомъ Штата Халиско), то должно жалѣть о странѣ, которая лишилась сего достойнаго мужа.

Ты легко можешь представить себѣ, любезный другъ, что въ расположеніи духа, въ какомъ тогда были, мы не могли принять участія въ карнавальныхъ увеселеніяхъ. Мы едва выходили изъ дому, и только взглядывали на балконъ, чтобы вѣсколько разсѣяться видомъ живаго движенія

на улицѣ Разныѣ фокусники съ шумною музыкою, сопровождаемые полною чернѣю, проходили по вечерамъ мимо нашего дома, къ великому увеселенію нашихъ оспровившахъ съ Уналашки; или народъ спѣшилъ на бой быковъ или пѣшуховъ, для котораго проводили и проносили мимо насъ сотни гордыхъ бойцевъ; далѣе показывалось шествіе церковной процессіи съ Каполическимъ великолѣпіемъ, и свистящія ракеты возвѣщали возвращеніе ея въ церковь; въ Воскресенье, многочисленная толпа преступниковъ, гремя цѣпами, тащилась на Пасео, для поливки земли, чптобы не было пыли, а въ пять часовъ по полудни потянулось шуда высшее общество въ экипажахъ и верхомъ, чптобы показать себя и лошадей. Рано ушромъ поселане съ навьюченными ослиами, поденщики и женщины, съ товаромъ своимъ на головѣ, плодами, глиняною

посудою, сладостями (dulces) — шли и кричали на распѣвъ; или нищіе съ корзинами, наполненными букетами прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, кошорые они раздавали за милоспыню; все это чрезвычайно оживляло улицу.

Проживъ въ Гвадалахарѣ двѣнадцать дней, мы, съ позволенія врача, могли опираться далѣе, хотя нашъ больной былъ еще очень слабъ. Въ наемной каретѣ на мулахъ, кошорые не перемѣняются, совершаютъ перѣздъ до Мексики въ пятнадцать дней, а въ дилижансѣ въ шесть дней: девятидневная разность побудила насъ предпочесть дилижансъ. Между Веракрусомъ и Мексикою учреждены дилижансы уже нѣсколько лѣтъ; но по сую сторону Мексики до Гвадалахары, только за три мѣсяца. Экипажи, упряжь и кучера изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и соотвѣствующіе требованіямъ путешественниковъ; лоша-

ди мѣняющіяся на каждахъ четырехъ миляхъ (leguas), красивы и рослы; до наступленія темношты оспанавливаются на опредѣленные вочлеги, гдѣ путешественникъ находитъ постель, пищу и всѣ удобства, кошорыя до того были вовсе неизвѣстны въ этой странѣ; экипажъ съ кучеромъ тотчасъ возвращается, и путешественники продолжаютъ путь въ другомъ дилижансѣ, до слѣдующей ночи. За мѣсто въ каретѣ (въ ней есть только одно мѣсто, подлѣ кучера) платятъ 70 піаспровъ до Мексики; расстояние составляетъ 175 легъ.

Пріятель нашъ, Донъ Мануэль Луна, имѣлъ намѣреніе ѣхать съ нами въ Мексику; но губернаторъ дружески объявилъ ему, что въ слѣдствіе повелѣній Сантаны, добрые граждане вѣрныхъ Штатовъ должны дать денегъ на войну въ Техасъ, и что потому Донъ Мануэль не иначе можетъ

получить паспортъ, какъ ссудивъ Правительству 35,000 піаспровъ. Оня опложилъ путешествіе. Къ счасію, въ шестимѣстной каретѣ былъ у насъ только одинъ спутникъ, Австріецъ, пріѣхавшій по торговымъ дѣламъ изъ Санъ - Луи Потози, для собранія долговъ, и возвращавшійся безъ успѣха, человекъ пріятный, вѣжливый и услужливый.

Въ пять часовъ утра мы сидѣли уже въ дилижансѣ, который потчасъ отправился съ быспроотою, удивившею и почти испугавшею насъ, ибо въ этой странѣ безъ дорогъ, лѣнивому Мексиканцу и его муламъ скорая ѣзда кажется невозможностію, и по справедливости. Но нашъ Сѣверо-Американецъ погонялъ четырехъ бодрыхъ коней съ такою неустрашимостію, и правилъ ими по ннямъ и камнямъ съ такою ловкостію, что мы лепѣли по едва проѣзжей дорогѣ,

какъ по лучшему шоссе въ Европѣ. Пока мы не удосповѣрились въ неимовѣрной прочности дилижанса, намъ казалось, что онъ неминуемо разлетится въ тысячу кусковъ, и ежеминутно опасались, что онъ опрокинется. Я два раза ѣздилъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, и одинъ разъ изъ Иркутска въ Петербургъ, и довольно знакомъ съ опасностями дѣшяго путешешвіа сухимъ путемъ; но мнѣ еще не случалось видѣть ничего подобнаго ѣздѣ въ дилижансѣ изъ Гвадалахары; казалось, что кучеръ бѣжалъ изъ дома сумасшедшихъ, и пассажиры обречены на гибель. Но судьба была къ намъ благопріятна, и мы достигли Мексики, не испытавъ ни малѣйшаго приключенія, хотя съ учрежденія дилижансовъ рѣдко проходитъ недѣля, чтобы не было рассказовъ объ опрокинутомъ дилижансѣ и ушибенныхъ пассажирахъ.

Окрестности были не такого свойства, чтобы пріятными видами хотя нѣсколько вознаградить насъ за эту адскую ѣзду; первые два дня дорога шла на сѣверъ по безлѣсной, пустой, дурно воздѣланной странѣ, съ немногими дрянными деревушками. Въ первый день проѣхали мы черезъ каменный мостъ на аркахъ, la puente de Calderon, сдѣлавшійся знаменитымъ въ лѣтописяхъ шамошней войны, въ 1811 году, совершеннымъ пораженіемъ инсургентовъ подъ командою Дона Мигуэля Гидальо; 'разсказываютъ, что тушъ побито болѣе 20,000 Инцѣйцевъ, которые, повинувшись Гидальо, бросились на пушки, чтобы шляпами зашкнууть ихъ жерла. Спутникъ нашъ жалѣлъ, что не все народонаселеніе, 6 милліоновъ Мексиканцевъ, было тушъ побито, ибо нельзя было оказать лучшей услуги человѣчеству: надобно только подумать, говорилъ онъ, что

эти мошенники Мексиканцы никогда не плашашъ долговъ честнымъ Европейскимъ купцамъ, грабятъ и обманываютъ, и не смотря на то, не умѣютъ пользоваться землею. Это дурное расположеніе духа и на ночь не покинуло нашего Австрійца. Изъ Лагоса пришелъ дилижансъ съ пассажирами, изъ коихъ одинъ, братъ военнаго министра Мексики, всю ночь продекламировалъ о своемъ патриотизмѣ, рассказывалъ любовныя похождения, однимъ словомъ, никому не далъ покою; это такъ раздражило нашего спутника, что на слѣдующее утро, когда уѣхалъ дилижансъ изъ Лагоса съ говорливымъ Мексиканцемъ, онъ громко закричалъ ему, что первой церкви принесетъ въ даръ 100 піаспровъ, если опрокинется дилижансъ и укоротитъ дни брата военнаго министра.

Посреди каменной и песчаной степи стоитъ городъ Санъ - Хуанъ де

Лосъ - Лагосъ. Здѣшняя церковь, одна изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ въ Мексикѣ, и въ нее приходяшъ богомольцы изъ отдаленнѣйшихъ краевъ республики. Въ Декабрѣ сходящся сюда болѣе 40,000 человекъ, и располагаются лагеремъ; при этомъ случаѣ бываетъ ярмарка, на которой въ теченіе двухъ недѣль, приводишся въ оборотъ болѣе 50 милліоновъ піаспровъ торговли и азартными играми. Побѣдавъ очень дурно, и осмотрѣвъ знаменитую церковь, мы на вторую ночь пріѣхали въ красивый городъ Лагосъ, стоящій въ плодороднѣйшей странѣ, между песчаные холмы и голыя скалы Санъ-Хуана. Сюда выходяшъ дорога изъ горнаго округа Сака-текаса и Дуранго, съ сѣвера, въ Мексику, и въ дилижансѣ только что прибыло шесть пассажировъ, изъ коихъ четверо желали продолжатъ путь съ нами; намъ посчастливилось до-

быть карету, въ которой могло помѣститься умножившееся число нашихъ спутниковъ, безъ особеннаго для насъ безпокойства. Такъ какъ по воскреснымъ днямъ дилижансы здѣсь не ходятъ, то мы принуждены были остановиться на день, и сынъ нашъ, еще не оправившійся, могъ отдохнуть. Хозяинъ гостиницы, Испанецъ, служилъ офицеромъ въ экспедиціи Малеспины, и много рассказывалъ про Алеутовъ и Русскихъ, которыхъ видѣлъ на С. З. берегу Америки; но эиотъ общій интересъ новаго знакомства нашего не помѣшалъ ему позаботиться о своемъ собственномъ, и потребовать съ насъ 24 піаспра (104 р.) за двѣ ночи и одинъ день.

Въ числѣ новыхъ спутниковъ нашихъ былъ Мексиканецъ, богатый помѣщикъ изъ Штата Сакашекасъ, кавалерійскій полковникъ національной милиціи Штата до упраздненія конфедераціи.

Онъ былъ молчаливъ, скромнъ, но, по прекрасному солитеру въ перспѣвъ замѣшно было, что у него есть поболѣ широкой шляпы и проспой дѣшней куршки. Онъ разсказывалъ, что губернаторъ Сакашекаса образовалъ опшличнымъ образомъ національную армию, и въ особенності кавалерію, и потѣмъ возбудилъ въ Президентѣ Сантанѣ опасеніе, чтобы личное вліяніе его не пошерпѣло опъ того, если прочіе Штаты, послѣдовавъ сему примѣру, также придуть въ самостоятельное положеніе. Жадность Сантаны къ деньгамъ вѣроятно также содѣйствовала къ уничтоженію конфедераціи, ибо, такимъ образомъ, вновь открытый рудникъ въ Фрезенильо достался въ распоряженіе центрального правленія въ Мексикѣ, или, лучше сказать, сдѣлался собственностію Сантаны. Этотъ серебряный рудникъ, самый богатый въ цѣломъ Свѣтѣ,

даешъ ежедѣльно 50,000 піастровъ, слѣдственно по миліону рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ Правительству достаешся только пятая часть, а $\frac{4}{5}$ употребляющся на разработку рудника! Чего не сдѣлаешъ патриотъ республиканецъ, чтобы не допустить такихъ богатствъ въ общественную казну, изъ предосторожности, чтобы Правительство не оказалось благонадежнымъ! По крайней мѣрѣ, въ Мексиканской республикѣ патриотизмъ гражданъ обнаруживаешся самымъ разительнымъ образомъ наглосшію, съ какою всѣ государственныя чины, отъ Президента до береговаго смотрителя или писца въ судѣ, всячески грабятъ казну.

Фамилія милиціоннаго полковника, Флореса аль-Торре, ведетъ начало съ завоеванія Мексики. Родоначальникъ его, Флоресъ, офицеромъ прибылъ сюда съ Геррерою, и въ одномъ сраже-

ніи съ Мексиканцами получилъ ошъ генерала предписаніе взятъ башню: Геррера, указывая ему на башню одного кацника, закричалъ: Flores! al torre! Флоресь бросился на нее и вскорѣ возвратился къ Геррерѣ съ полоненымъ кацникомъ. Съ того времени, гербъ его изображаетъ башню и кацника въ цѣпяхъ, и фамиліи дано названіе al torre. Флоресь распался съ нами въ Керетеро, гдѣ ему приходилось получить по наслѣдству 54,000 піаспровъ. Изъ спутниковъ для насъ былъ особенно занимателенъ Нѣмецъ, Г-нъ Шпейнъ, человекъ образованный и пріятный, извѣстный въ Мексикѣ какъ отличнѣйшій минералогъ, котораго Правительство потребовало въ Мексику, чптобы ошобратъ у него мнѣніе объ управленіи Фрезенильоскимъ рудникомъ.

Дорога наша шла чрезъ городокъ Лсонъ, коего жители извѣстны по

плюшовспву. Городъ наполненъ ѣ окруженъ плодовыми садами и огородами, кошорые обводятся изгородами изъ кактусовъ, подобныхъ колоннамъ; эшо придаешъ имъ особенный видъ, коего прелестъ возвышается длинными аллеями деревъ, весьма красивыхъ, называемыхъ *del Peru*. Эшо дерево напоминаетъ нашу березу, но лиспъ крупнѣе, зелень очень темная, и пурпуровыя ягоды, чрезвычайно ядовитыя, висятъ во множествѣ большими кистями. Опъ Леона начинаешся, такъ называемая, Бахіо, самая плодородная и наилучше воздѣланная страна въ Мексикѣ. Эшо площадь на высотахъ, плоская, обширная равнина, простирающаяся до Керешеро, ограничиваемая слѣва знаменитыми горными рудниками Гванахуато, справа, въ большемъ отдаленіи, горами, замыкающими бассейнъ рѣки Сантіаго. Бахіо такъ равна, какъ билліардъ; почва состоятъ

изъ превосходнаго чернозема, пахаш-
ныя поля, огороды; сахарныя планта-
ціи, прозрачныя рощи мимозъ, покрыва-
ють эту прелестную долину; много-
людное населеніе живеть въ значи-
тельныхъ деревняхъ, загородныхъ до-
махъ (haciendas) и городахъ. Эта жи-
тельница горныхъ округовъ была наспо-
ящимъ позорищемъ войны, коей печаль-
ныя послѣдствія и теперь еще за-
мѣтны въ разрушенныхъ селахъ и
помѣстьяхъ. Дорога идетъ мимо са-
маго мѣстечка Валенсіаны, знамени-
таго по горнымъ промысламъ, ко-
гда мы могли видѣть. Переноче-
вавъ въ красивомъ городкѣ Прапуа-
то, мы проѣхали чрезъ другой, Саламан-
ху, коего жители также славятся
плутовствомъ; потомъ показывали
намъ влѣво отъ дороги стоящія въ
нѣкоторомъ отдаленіи селенія Санъ-
Мигель и Долоресъ, гдѣ тамошній свя-
щенникъ, Гидальго, сдѣлалъ воззваніе

къ бунту, и нанесъ первый ударъ, который въ послѣдствіи совершенно оторвалъ колоніи отъ метрополіи.

Города слѣдуютъ одинъ за другимъ въ небольшихъ разстояніяхъ. Зелая, пріятное мѣсто съ красивою площадью, украшается церковью и мостомъ, которые славятся въ республикѣ изящною архитектурою. Эль-Пасео, милостивый городокъ, окруженъ обширными плодовыми садами и огородами, и окрестности отлично воздѣланы. Къ ночи пріѣхали мы въ окруженный городъ Керешеро, живописно расположенный у подошвы горы, и заключающій въ себѣ много большихъ зданій, церквей, монастырей, и очень красивую площадь. Закрывшя суконныя фабрики, многіе изъ лучшихъ домовъ, стоящіе впускъ, напоминаютъ о прежней торговлѣ и благосостояніи города, коего жители явили себя вѣрными подданными во время рево-

люціонной войны. Большая часть самых зажиточных въ послѣдствіи выѣхали изъ Керешеро, гдѣ изъ 40,000 осталось теперь только 17,000 жителей; промышленность и торговля исчезли, а новый порядокъ въ Мексикѣ также не таковъ, чтобы вновь поднять ихъ. Госпиталица дилижансовъ просторна, усироена прилично и удобно. Здѣсь остановились нашъ Флоресъ-аль-Торре и знакомецъ нашъ Австріецъ; послѣдній отправился въ Санъ-Луи-По-люэи, куда также ходятъ дилижансы. Въ Керешеро оканчивается Бахіо; надобно подниматься на высоты; городъ обитаетъ въ долинѣ; каменный водопроводъ на мелкихъ сводахъ шлансится чрезъ равнину къ горамъ: все это представляетъ прелестный видъ. Далѣе спрана спановится гористую, дорога камениста; куда ни обратишь взоръ, вездѣ потухшіе кратеры и вулканическіе остатки. Однако же про-

мышленость человека побуждаетъ и эту недружелюбную природу, и до городка Санъ-Хуанъ дель-Ріо смѣняющіяся сады и поля съ пустыми пространствами. Но далѣе исчезаетъ освѣжающая зелень, дорога становится болѣе и болѣе неровною; надобно подниматься все выше и выше, и Тула, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, стоитъ уединенно, въ невоздѣланной степи. Вскорѣ видъ опять измѣняется: обширныя плантаціи агавы и помѣстья служатъ признакомъ многолюдія; видъ большаго озера Тескуко, и воздымающихся за нимъ до небесъ исполинскихъ горъ Попокатепетль и Истаццигуаль, съ свѣжыми вершинами, тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, что путешественникъ, по знаменитой плоской возвышенности Анагуакъ, приближается къ вратамъ столицы Монтезумы. Когда мы подъѣхали къ Мексикѣ, было уже темно,

по дорогѣ мало народу, и городъ скрывался отъ взоровъ нашихъ; дилижансъ остановился, и таможенный чиновникъ у будки принялся досматривать наши вещи. Когда это кончилось, поѣхали мы въ гостиницу дилижансовъ, по хорошо освѣщеннымъ улицамъ, наполненнымъ народомъ.

При входѣ въ залу гостиницы, мы могли удостовѣриться, что находимся уже гораздо ближе къ Европѣ, нежели наканунѣ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, услужливый Италіянецъ, привѣтствовалъ гостей на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, кромѣ Русскаго. Но не Европа могла удовлетворить наше любопытство, и себѣ показывая естественнымъ, любезный другъ, что таинственный мракъ, облакавшій городъ, въ высочайшей степени напрягалъ наши ожиданія. Привлекательныя сказанія путешественниковъ о Мексикѣ и окрестностяхъ,

несмѣшныя богатства церквей и монастырей, чудесность ея древней Исторіи, все способствовало къ тому, чтобы въ самой юности сѣевооружить въ моемъ воображеніи картини, коей предель возраспала столь же сильно, какъ и невѣроятность увидѣть когда либо эпіюшъ волшебный городъ. Наконецъ мы стояли передъ завѣсою, которая скрывала отъ насъ зрѣлище, и не могли поднять ея! Звонъ колокольчиковъ вызвалъ насъ на балконъ; прислушавшавшіе заспавили насъ спать на колѣни: къ больному несли по улицѣ Причастіе, причемъ на улицѣ и въ домахъ всѣ преклоняющъ колѣни, и караулы спановящся подъ ружье, и отдающъ честь. Потомъ зашлхло, ибо улица, въ которой стоялъ гостиница, не проходная, и по ней нѣтъ большаго сообщенія. Мы имѣли нужду въ опдыхѣ, и утѣша-

лись намъ реніємъ воспользоваться, какъ можно лучше, слѣдующимъ упромъ.

Хотя болѣзнь нашего сына, продолжавшаяся двѣ недѣли, задержала насъ въ Мексикѣ цѣлый мѣсяцъ, однако же мы не могли посвятить всего времени исключительно осмотру всего достопримѣчательнаго, и только мелькомъ обозрѣвали предметы, которые заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія; посему не ожидай отъ меня описанія Мексики, и прими снисходительно немногія и неполныя свѣдѣнія о нашемъ здѣсь пребываніи.

Письма Г. Баррона къ пріятелямъ его въ Мексикѣ, доставили намъ знакомство со многими семействами, изъ коихъ въ особенности Англійскій Посланникъ Г. Пакенгамъ и Англійскій Генеральный Консулъ Г. О'Горманъ, съ своею любезною супругою, заботились о томъ, чтобы сдѣлать для насъ пребываніе въ Мексикѣ пріят-

нымъ. Я представился также Прусскому Генеральному Консулу, Г. фонъ Герольшу, который какъ будто почелъ обязанностію, въ этой чужой сторонѣ, содѣйствовать намъ словомъ и дѣломъ; онъ ввелъ насъ во многіе Нѣмецкіе дома и къ Французскому Посланнику, Барону де Дефодису, и мы пользовались его занимательнымъ обществомъ такъ часто, какъ позволяли его дѣла. Нѣмецкія фамиліи живутъ здѣсь въ тѣсной связи, составляютъ общества, и ведутъ веселую жизнь; у Мексиканцевъ пользующихся они доброю славою, и заслужили отъ нихъ болѣе довѣрія, нежели другіе Европейцы. Въ кругу сихъ обществъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, а для разнообразія, посѣщали Италіанскую оперу. По наступленіи поща, всѣ увеселенія должны были прекратиться, и театръ слѣдовало бы закрыть; но требованія иностран-

цевъ, а кажется еще болѣе финансовыя причины, побудили Правительство сдѣлать исключеніе въ пользу Италіанской оперы: хотя не достаетъ денегъ на выдачу жалованья чиновникамъ, на содержаніе госпиталей, на заведеніе школъ и п. п., но опера выдается въ пособіе изъ казны 20,000 піастровъ въ годъ. Впрочемъ, артисты этой оперы соответствовали ожиданіямъ меломановъ-Мексиканцевъ на счетъ превосходства заморскаго пѣнія. Въ театрѣ имѣли мы случай наблюдать Мексиканскую публику, и нѣмъ охотнѣе воспользовался имъ, что въ частныхъ домахъ, которые мы посѣщали, рѣдко показывались Мексиканцы, хотя бы и хозяйка дома была тамошняя уроженка. Политическія обстоятельства препятствуютъ развитію общественной жизни между Мексиканцами; духъ партій и боязнь руководствуютъ ими,

и умственная жизнь подавляется прежде нежели успеетъ разцвѣсть. — Женщины прѣзжаютъ въ оперу въ великолѣпномъ нарядѣ; въ глубинѣ ложъ рѣдко гдѣ пылалась сигара; зато мужчины, хотя и не закутанные въ серапы, сильно курили. Вліяніе Европейцевъ на нравы и обычаи обнаруживалось здѣсь болѣе, нежели въ Гвадалахарѣ, что и естественнo; поэтому, особенностей Мексики должно искать преимущественно въ наружности города, улицахъ, зданіяхъ, окрестностяхъ.

Съ перваго взгляда Мексика являлась столицею богатаго, обширнаго государства. При той же правильности въ расположеніи, какая замѣчается въ другихъ городахъ, напримеръ Гвадалахарѣ или Керетеро, разница однако же очевидна. Совершенно прямыя улицы перерѣзываютъ городъ отъ одного конца до другаго; многія

изъ нихъ имѣютъ опъ четырехъ до пяти верстъ пропѣженія, по ровной плоскости, и такъ какъ равнина со всѣхъ сторонъ окружена горами, по каждая улица замыкается высокою горою, кошорая, по причинѣ разрѣженія атмосферы на высоту 7000 футовъ надъ поверхностью моря, кажется споншъ гораздо ближе, нежели на самомъ дѣлѣ. Немногія зданія выше прехъ эпажей, но построены въ высокомъ стилѣ, и между ними попадаются дворцы, напрымѣръ домъ Императора Иншурбиде, національный дворецъ, университетъ, а преимущественно прекрасная манарія, горная академія, коей построение еще не кончено со времени Гумбольдта, потому 35 лѣтъ назадъ. Можно было бы сдѣлать длинный списокъ церквей и монастырей, заслуживающихъ вниманіе внутреннимъ украшеніемъ и богатствомъ или наружнымъ видомъ. Соборная цер-

ковъ поражаетъ огромностію и готическою архитектурою, и представляетъ прекрасный видъ на обширной площади, особенно при лунномъ сіяніи. Внутри она слишкомъ загромождена, но взамѣнъ этого недостатка, обладаетъ она такимъ сокровищемъ благородныхъ металловъ и драгоценныхъ камней, что надобно его видѣть, чтобы имѣть о немъ понятіе. По обязанности Г-жи О'Горманъ, коей духовникъ главнымъ священникомъ въ соборѣ, намъ удалось осмотрѣть это сокровище. При великой непереносимости здѣшняго духовенства и народа, чужесланцу трудно получить доступъ въ ризницу, и это въ особенности воспрещено женщинамъ; даже съ дозволенія падре, жена моя осмѣлилась войти въ церковь не иначе, какъ въ сопровожденіи Г-жи О'Горманъ, закушавшись, по обычаю Мексиканокъ, въ черную

маншилю, и съ огромнымъ гребнемъ. Долженъ признаться, что меня необычайно поразила видъ разсѣвленныхъ въ ризницѣ, съ ослѣпительнымъ вкусомъ сдѣланныхъ сосудовъ, символическихъ украшеній, подсвѣчниковъ, посоховъ, изъ чистаго золота, усыпаннаго прекраснѣйшими брилліантами, блестящими какъ солнце, превосходнѣйшими смарагдами и рубинами. Государственное сокровище, которое я видѣлъ въ Лондонской башнѣ (Tower), должно было казаться здѣсь маловажнымъ. Нельзя превозмочь себя, чтобы не провести нѣсколькихъ часовъ въ удивленіи передъ этимъ земнымъ блескомъ въ храмъ Творца. — По лѣвую сторону собора стоитъ построенная Коршесомъ часовня; съ другой стороны вѣдланы въ стѣну знаменитые часы Моншесумы — камень въ десять квадратныхъ футовъ, на ко-

поромъ изсѣченъ древній Мексиканскій солнечный кругъ.

Національный дворецъ, занимающій самую длинную спорону четырехугольной площади, въ два этажа, не имѣетъ ничего отличнаго, но замѣчательнѣе, что построено на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ некогда дворецъ Мексиканскихъ Императоровъ Астековъ. Въ немъ помѣщаются не только различные департаменты по всѣмъ отраслямъ управленія, залы собраній Палаты Депутатовъ и Сенада, но также пороховая и оружейная кладовая, даже тюрьма. Зала депутатовъ, построенная полукружіемъ, стоитъ вниманію по изяществу украшеній и сообразности расположенія. На стѣнахъ начертаны золотыми буквами имена герцоговъ Мексики. Итурбиде былъ исключенъ изъ этого списка, но, по уничтоженіи федеративной системы,

оняты помѣщенъ; въ то же время появилась большая картина, писанная масляными красками, и представляющая сраженіе Сантаны съ Испанцами подъ Веракрусомъ. Между воинами Мексики отличался предъ всеми Викторія своею храброю участію. Будучи самымъ ожесточеннымъ врагомъ Испанцевъ, онъ велъ въ Штатъ Веракрусъ партизанскую войну. Когда Испанцамъ удалось на нѣсколько лѣтъ возстановить свое владычество, Викторія принужденъ былъ бѣжать въ дремучіе лѣса Оризабасскихъ горъ, гдѣ скитался два года, не имѣя сношеній ни съ однимъ живымъ существомъ. Онъ питался лѣсными плодами, коихъ сборъ стоилъ ему неслыханныхъ трудовъ, нѣмъ болѣе, что онъ сдѣлался боленъ. Въ этомъ положеніи, лежа на сырой землѣ, думалъ онъ, что настала часъ смерти; вдругъ спустился на него коршунъ, el zaralote,

сѣлъ къ нему на грудь, и клюнулъ его въ рошъ. Ужасъ объялъ Вишпорію: онъ собралъ послѣднія силы, схватилъ рпомъ коршуна, ошкусилъ ему голову и высосалъ изъ него кровь; это пакъ подкрѣпило его, что онъ могъ продолжать свой путь. Въ послѣдствіи спасли его Иудѣйцы, и теперь Вишпорія живетъ въ Мексикѣ въ качествѣ сенапора. Печальный опытъ разочаровалъ этого человека, который, по примѣру многихъ другихъ, ему подобныхъ, бывъ подстрекаемъ заблужденіями, и жертвуя жизнью, трудился надъ неспроверженіемъ законнаго порядка, и въ ослѣпленіи страстей мечталъ о свободной, на добродѣтеляхъ основанной, республикѣ. Хотя ожесточеніе Мексиканцевъ противъ Испанцевъ въ настоящее время столь сильно, и опасеніе прежнихъ ограниченій въ торговлѣ и промышленности столь велико, что нельзя

помышлять о соединеніи вновь съ несчастною, раздираемою мецпрополією, однако же, съ другой стороны, очевидна склонность образованныйшихъ и здравомыслящихъ жишелей, придать правительству болѣе силы сосредоточеніемъ власти, и вручить бразды правленія кому либо одному, того достойному. Но между всѣми классами и сословіями здѣшнихъ креоловъ распространилась столь явная и всеобщая безнравственность, что этого одного невозможно найти, и такимъ образомъ машина правленія болѣе и болѣе разстроивается, часто вовсе останавливается, и представляется гражданство произволу судьбы. Въ прекрасно убраной Палатѣ Депутатовъ, представители нація собираются, кажется, только для того, чтобы пощеголять краснорѣчіемъ и высокопарною декламацією, и при томъ до безконечности затрудняютъ ходъ

дѣлъ. Такъ называемая оппозиція должна была наблюдать за дѣйствіями правительства, а она налагаетъ на него цѣпи, уничтожаетъ его власть; и стремится только къ тому, чтобы на счетъ государства утолить жадность своихъ членовъ къ деньгамъ. Государственная казна истощена; правительство часто принуждено бывать дѣлать займы у торговыхъ домовъ, и платитъ по четыре процента въ мѣсяць! Только военные и высшіе государственные чины получаютъ жалованье, а гражданскимъ чиновникамъ предоставлено удовлетворять себя пропивузаконными притѣсненіями, и такимъ образомъ исполненіе правосудія, управленіе финансами, таможи, горные округа, однимъ словомъ, все государство предано множеству безсовѣстныхъ чиновниковъ, которые грабятъ его по службѣ, *ex professo*! — Замѣтательно, что при

этой безправственности чиновников вообще, при осуществлении всяких правил в высших классах, простой народъ отличается добродушиемъ и крепостию права. Въ народныхъ собраніяхъ, на рынкахъ, на публичныхъ гульбищахъ, на зрѣлищахъ боя быковъ, и т. п., никогда не случается неблагопристойностей, драки или воровства; простолюдникъ соблюдаетъ величайшую учтивость, кланяется, даетъ дорогу, и содѣйствіе полиціи, для сохраненія порядка, вовсе излишне въ такихъ случаяхъ. Въ непрезвомъ видѣ, въ винныхъ лавкахъ, нерѣдко случается, что одинъ Мексиканецъ на другаго выпенитъ свой большой ножъ, который всегда носитъ съ собою; они и исколютъ другъ друга, и мертваго выброситъ на улицу, какъ будто не случилось ничего особеннаго; объ убійствахъ и воровствахъ въ городъ и окрестностяхъ рассказываютъ

ежедневно. Убійства въ кабакахъ или пулькуаріяхъ должно приписатьъ дѣйствию крѣпкихъ напитковъ, занимающихъ разсудокъ, по воровство производился подѣ защипою какого нибудь значительнаго чиновника. Во время нашего пребыванія въ Мексикѣ доказано было, что большая шайка воровъ нѣсколько лѣтъ опправляла свое ремесло подѣ покровительствомъ одного Полковника, адъютанта Вице Президента; ты подумаешь, что открытіе положило конецъ его промыслу и службѣ? Ни мало: Полковникъ былъ любовникъ сеспры Саниаши, которая публично продаетъ мѣста; допустишь его на висѣлицу — это было противно нѣжнымъ ея чувствамъ; по сему судья, въ рукахъ коего находились доказательства, наскоро былъ оправданъ собственною женою, а для удовлетворенія публики повѣсили пару простыхъ мошенниковъ. Но полно.

объ этомъ: Палата Депутатовъ завлекла меня слишкомъ далеко. Лучше осмотримся еще нѣсколько.

Музеумъ, собраніе Мексиканскихъ древностей и кабинетъ Натуральной Исторіи, заключаютъ въ себѣ предметы чрезвычайно занимательные, не смотря на то, что непрерывно подвержены самому безсовѣстному грабежу. Изсѣченные изъ камня гигантскіе кумиры древнихъ Мексиканцевъ, съ символическими знаками, и небольшія головы и фигуры, весьма искусно сдѣланныя изъ обсидіана, своими формами и украшеніями напомнили мнѣ работы нашихъ Сибирскихъ Колюшей изъ глинистаго сланца. Даже обыкновенное у Мексиканцевъ окончаніе на эполъ — Попокатепетль, Мексикъ — ны конечно часто замѣчалъ у Колюшей, напримѣръ Наушкетль. Мнѣ кажется, стоило бы труда продолжать основательно это сравненіе.

Такъ называемый Ботаническій Садъ есть запущенное, маловажное заведение, въ которомъ вовсе нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ неполнаго собранія кактусовъ и знаменитаго ручнаго дерева, которое найдено тупъ при завоеваніи Мексики, и долгое время было почитаемо единственнымъ въ своемъ родѣ, нынѣ же найдены цѣлые лѣса въ Гваниматъ. Извѣстно, что этому дереву дано названіе по виду цвѣтовъ его, уподобляющемся разверстой рукѣ; листья его похожи на кленовые.

Для обозрѣнія достопримѣательностей, избирали мы обыкновенно время послѣ упренней прогулки въ Аламедъ. Въ этомъ обширномъ, хорошо расположенномъ, тѣнистомъ саду, широкія аллеи, круги, фонтаны; по сторонамъ аллей прекрасные розовые кусты, которые въ то время цвѣли; тамъ такая прохлада, такое

благоуханіе, которыя нѣжатъ тѣло-
нѣмъ болѣе, чѣмъ въ это сухое время:
года чрезвычайно рѣдкій горный воз-
духъ и непресыщенное солнечное сія-
ніе для нѣоснаваща пѣгостны, и онъ
чувствуетъ какое-то нерасположеніе,
не имѣетъ аппетита, и страдаетъ
головокруженіемъ. Большой фонтанъ
составляетъ центръ этого прекрас-
наго сада, окруженнаго широкою до-
рогою для экипажей и верховыхъ. За
часъ передъ заходомъ солнца соби-
рается здѣсь высшая публика, а ко
времени вечерней молитвы, oración,
которая возвѣщается колокольнымъ
звономъ, вдругъ пустыю аллею и
дорогу. На дорогѣ въ Аламеду проѣз-
жали мы чрезъ знаменитый водопро-
водъ, который снабжаетъ здоровою
водою многіе фонтаны въ городѣ и
жищелей; ова проведена съ ближнихъ
горъ, и протекаетъ по 900 крѣпкимъ

и широкимъ сводамъ, вышиною до 12 футовъ, безъ покрыши.

Въ городѣ есть еще два публичныя гульбища: Paseo las Vigas, зимнее, и большой Пасео, лѣтнее. Последний со многими красивыми фонтанами, находящійся на прѣпномъ мѣстоположеніи; первый, пылъ посѣщаемый, заслуживаетъ, чтобы о немъ упомянуть. Las Vigas есть аллея, въ $1\frac{3}{4}$ версты, идущая вдоль канала Чалько (Chalco), который соединяетъ озеро Тескуко и Чалько. Въ началѣ XVI столѣтія все это пространство было покрыто водою, и теперь еще представляетъ площадь мало воздланную и болотистую; но группы горъ вдали съ выскающимися сѣжими вершинами обоихъ вулкановъ, придаютъ ей живописный видъ. По воскреснымъ днямъ этотъ Пасео чрезвычайно оживленъ и занимаетъ, и мы не пропускали часа прогулки. Съ одной

стороны каналъ, покрытый длинными и широкими лодками, съ другой безчисленное множество экипажей, верховыхъ, пѣшеходовъ на Пасео, представляющъ чрезвычайно веселый видъ, особенно лодки, которыя подвозятъ поселятъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, и на которыхъ иногда молодая пара подъ гитару пляшетъ національный танецъ. II пѣшеходы украшаютъ голову и грудь цвѣтами. На каналъ есть и знаменитые плавающіе сады, *chinampas*, покрытые прекраснѣйшею зеленью; они снабжаютъ городъ лучшими овощами.

Но мы уже довольно побродили по улицамъ и гульбищамъ; войдемъ теперь въ домъ, и посмотримъ на внутреннее устройство. Почти все дома имѣютъ внутри четырехугольный дворъ (*ratio*); въ нижнемъ этажѣ магазины съ товарами; погребовъ здѣсь нѣтъ, ибо мѣсяцъ, на которомъ спю-

ишъ городъ, отпаято у озера, и въ дождливое время вода скопляется и доходитъ до половъ въ магазинахъ. Жилыя комнаты во второмъ этажѣ; онѣ высоки, веселы, часию велики, красивы; окна доходящъ до полу, каменнаго, покрышаго коврами, и открывающа на балконъ, на улицу; вокругъ всего двора построена галлерея, ведущая въ комнаты, и обыкновенно убранная красивыми кактусами и другими растеніями, такъ что замѣняютъ садъ. Это обыкновеніе придаетъ внутренности дома очень пріятный видъ. Плоская крыша есть другая пріятность; по захожденіи солнца или рано утромъ, съ этихъ крышъ (*azotea*) наслаждающа открытымъ видомъ на городъ и окрестности, панорамой, копорая, въ цѣлости и въ частяхъ, чрезвычайно живописна и величественна. Представь себѣ обширный кругъ высищихя до небесъ горъ съ снѣж-

ными вершинами, просирающую равнину, на которой стоит Мексика; среди сего круга, загородные дома съ садами, монастыри и мѣстечки, разбланные по равнинѣ, каковы Такубая, Сантъ-Августинъ, Гаделупе, Чапультепекъ и другія, большія озера Чалько и Тескуко; наконецъ, видъ на богатый куполами и башнями городъ съ 180,000 жителей, волнующихся по улицамъ; — представь себѣ все это, при освѣщеніи тропическимъ солнцемъ: трудно пайти картину прелестнѣе этой, которой предоснаешь только пѣнящагося моря.

Мы сдѣлали нѣсколько занимательныхъ объѣздовъ въ окрестности, именно въ Сантъ-Августинъ, красивый городокъ, гдѣ Кортесъ сначала хотѣлъ поселиться столицу, ибо мѣсто тамъ возвышеннѣе, страна плодороднѣе и прекраснѣе, нежели равнина, которую занимаетъ теперь Мексика. Сантъ-

Августинъ посѣщаютъ собственно въ Троицынъ день; тогда съѣзжающіе сюда жители не только изъ Мексики, но и изъ окрестныхъ мѣстъ, останавливаются лагеремъ въ чистомъ полѣ, подъ шатрами, и пять дней и ночей посвящаютъ баламъ, боямъ и танцующимъ (у Сантаны 500 эскихъ бойцевъ, посредствомъ которыхъ онъ держалъ республику въ уздѣ), и особенно азардной игрѣ, монша, для которой 20 домовъ, держащихъ эту игру, привозятъ изъ Мексики не менѣе 60,000 дублоновъ ($5\frac{1}{2}$ милл. р. асс.) золотомъ, не считая серебра, и вѣроятно возвращаются домой съ прибылью отъ 25 до 50 процентовъ. Подлѣ самаго города учреждается фабрика бумагопряденія, которая есть единственная въ республикѣ, или лучше сказать будетъ, потому что въ 15 лѣтъ постройка ея еще не была кончена.

Во время поѣздокъ посѣтили мы

также знаменитую церковь Святой покровительницы Мексики, Гваделупской Богоматери, и построенную подлѣ нея на скалѣ часовню, *каменный корабль*; но за исключеніемъ исчисленіа накопленныхъ тамъ богатствъ, нечего сказать объ нихъ.

Поездка въ Чапульшепекъ была для насъ гораздо занимательнѣе. Это замокъ, находящійся на сѣверѣ оупъ Мексики, на одинокой скалѣ, возвышающейся посреди равнины, гдѣ древніе государи проводили лѣто. Замокъ въ развалинахъ, и пошому объ немъ ни слова. Но кипарисная роща внизу, у подошвы скалы, споншь бышь воспѣта спихошворцемъ; я не осмѣливаюсь описывать впечатлѣній, произведеннаго на меня эшимъ лѣсомъ, который прожилъ половину тысящелѣтій. Нѣкоторыя деревья оплчаются удивительною толщиною; такъ называемый кипарисъ Мошпесумы, не

много повыше корня, имѣшъ въ окружности 41 футъ, слѣдственно около двухъ сажень въ поперечникъ. Выющіяся расшенія пепельнаго цвѣта обвиваютъ стволъ и вѣтви, и висятъ длинными нитями, какъ сѣдые волосы; они переходятъ съ одного дерева на другое, и переплетаются всю рощу сѣтью, сквозь которую не проникаетъ солнечный лучъ; непрерывный легкій вѣтерокъ покачиваетъ высокія вершины старыхъ деревьевъ, и медленно помаваетъ серебряными ихъ волосами. Они стояли уже на этомъ мѣстѣ, когда процвѣтало царство Мошесумы: погибла цѣлая нація, исчезла образованность, чужой народъ вснунилъ въ обладаніе металлоносною землею, распространилось новое образованіе, теперь и это зданіе сокрушается, а кинарисная роща въ Чапультепекъ становится все мрачнѣе и спрощнѣе.

Время пребыванія нашего въ Мексикѣ было именно самое тихое. Вице-Президентъ, Генераль Барагамъ, исправлявшій въ отсутствіе Санианы должностъ Президента, былъ боленъ, и умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда. Онъ былъ человекъ честный и добрый, и потому всѣ знавшіе его искренно и глубоко сожалѣли о немъ. Рассказывали, что въ минушу кончины Барагама, надъ емершнымъ одромъ его явилась въ воздухѣ пальмовая вѣтвь, наклонилаеъ къ нему и исчезла. Погребеніе совершено съ большою пышностію, и, какъ говорили, спонло націи полмилліона. Отъ національнаго дворца, по главнымъ улицамъ города, на протяженіи нѣсколькихъ верснъ, растянута былъ наметъ изъ полотна, подъ шѣнію котораго проходило погребальное шествіе. Конница и пѣхотныя войска, числомъ до 700 человекъ, бы-

ли очень нарядны; но духовенство, кажется, соперничествовало съ войскомъ въ великолѣпіи и числѣ; всѣ монастыри выслали своихъ монаховъ, церкви священниковъ, учебныя заведенія воспитанниковъ; мы насчитали болѣе 500 бритыхъ головъ; между ними цѣкошорыя лица похожи были болѣе на людей свѣтскихъ и даже развратныхъ, нежели на обитавшей монастырскихъ келій. Между духовенствомъ замѣтили мы нѣсколько весьма почтенныхъ физіономій; но чтобы нарядъ и, въ особенности, головной уборъ сановниковъ духовныхъ не найти забавнымъ, на это нужна большая привязанность къ почтенной старинѣ, которая произвела эти вещи. Гробъ несли генералы; покойникъ лежалъ въ немъ непокрытый, въ полной военной формѣ. Дипломатическій корпусъ также находился въ шествіи; пѣвчіе и музыканты,

люди со свѣчами и факелами сопровождали оное; экипажи и верховыя лошади слѣдовали за нимъ. Балконы домовъ, мимо коихъ несли гробъ, были завѣшены чернымъ сукномъ, а тысячи любопытныхъ женщинъ были въ одѣхъ въ черное платье, и закутаны въ черныя мантиллы.

Позднее время года заставляло помышлять объ отпѣздѣ. Приближалось ужасное время желшой горячки, въ которое Веракрусъ становился для чужестранцевъ почти неизбежнымъ гробомъ, и Англійскаго пакет-бота, ходящаго между Фальмутомъ и Веракрусомъ, ожидали чрезъ нѣсколько дней. Нашъ больной поправился, и мы еще не подвергались климатическому вліянію этой тропической плоской возвышенности; однимъ словомъ, настало время продолжать путь. Дорога изъ Мексики въ Веракрусъ всегда была небезопасна; на ней промы-

шляли искатели счастія и разбойники, и такъ какъ они нападали на путешественниковъ, ѣхавшихъ изъ Европы съ небольшимъ капиталомъ, чтобы въ Мексикѣ нажить болѣе, или возвращавшихся оттуда въ Европу съ накопленнымъ богатствомъ, то эти большія и малыя суммы поощряли героевъ большой дороги къ новымъ подвигамъ. Въ продолженіе пребыванія нашего въ Мексикѣ не проходило недѣли, чтобы шуда не приходилъ ограбленный дилижансъ, и . раза два случалось, что пассажиры, имѣвшіе довольно рѣшимости, чтобы защищать свое имущество, подверглись большой бѣдѣ. Одному Англичанину отсѣкла разбойники руку, другому Американцу раскололи черепъ. Положеніе жены моей дѣлало предсто-ящій путь для насъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что дорога дурна, и дилижансы ѣздящъ чрезвычайно скоро; хотя

въ каретѣ на мулахъ спокойнѣе ѣхать, за то тѣмъ болѣе подвергашься нападеніямъ разбойниковъ, и проѣдешь вдвое долѣе. Человѣкъ пять, шесть солдатъ, которыхъ правительствомъ дають въ проводники по требованію путешественниковъ, обыкновенно улизнуть первые, когда покажутся человека два рѣшительныхъ разбойниковъ. Однако же, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я предпочелъ дилижансу наемную карету, и ровно чрезъ мѣсяць по прибытіи въ Мексику, 8-го Марта, выѣхали мы опшуда, въ сопровожденіи Г. фонъ Герольта, въ каретѣ, запряженной семью мулами, во всемъ подобной той, въ которой мы пріѣхали изъ Гвадалахары. Для безопасности дали намъ эскортъ изъ пяти драгунъ, которые въ каждомъ мѣсцѣ смѣнялись и становились тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ далѣе мы отъѣзжали отъ столицы.

Доѣхавъ до одной веншы, стоящей подлѣ скалы, мы остановились, чтобы подождать человекъ двухъ оставшихъ проводниковъ нашихъ. Скала, подлѣ самой дороги, обратила на себя наше вниманіе; мы подошли къ ней ближе, и, къ немалому удивленію, я увидѣлъ въ ней нѣсколько пещеръ, обитаемыхъ Индейцами, которые пребыли совершенно вѣрными природному состоянію своихъ предковъ, Астекковъ. Семейства ихъ казались многочисленными; множество запачканныхъ ребячишекъ играли въ разсѣлахъ стѣнъ; мужчинъ и женщинъ не было дома, а намъ нѣкогда было ждать ихъ, чтобы осмотрѣть хозяйство этихъ жителей пещеръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мексики. На ночь заѣхали мы въ Кордовскую веншу, гдѣ готовилось празднество въ честь патрона того мѣста, Святаго Хуана. Изъ сосѣдства наѣхали верхомъ кабалеро-

сы съ своими сеньоритами; дворы на-
поднялись; слышно было ликова́ніе
толпы, смопрѣвшей на бой быковъ;
потомъ зазвучала гишара, сопровож-
даемая нѣсколькими женскими и муж-
скими голосами; около нея собралась
группа танцоровъ фавданго, которые
плясали безъ усталости. Съ насту-
пленіемъ шемпопы началась въ часо-
виѣ обѣдя; потомъ сожженъ фейер-
веркъ, пошла пальба, пѣсни, колоколь-
ный звонъ, и къ крайнему нашему
сожалѣнію, шумъ не утихалъ до са-
маго утра. Чрезвычайно дурная вода
также способствовала къ тому, что-
бы сдѣлать намъ ночлегъ непріят-
нымъ, а кромѣ того, мы должны бы-
ли отказаться и опъ всѣхъ удобствъ
покойнаго помѣщенія.

Мы замѣтно поднимались на вы-
соту: воздухъ становился рѣже, свѣ-
жѣе, даже холоднѣе, страна принима-
ла болѣе сѣверный видъ, а на вѣпорой

день путешествія мы проѣзжали уже по пихтовымъ лѣсамъ. Въ Баранкѣ де Хуанесъ находились мы на высотѣ 10,486 футовъ надъ поверхностью моря. Тутъ и вблизи слѣдующей вершины, Ріо-Фріо, въ горномъ ущеліи, любимое мѣстопробываніе разбойниковъ. Хотя опъ Ріо-Фріо мѣстоположеніе становится низменнѣе, однако же страна еще не воздѣлана почти до вершины Санъ-Маршинъ, въ которой мы провели вторую ночь. Тамъ мы были уже на 2750 футовъ ниже Баранки де Хуанесъ, на плодородной равнинѣ, въ *terraplana*. До города Ла-Пуэблы, земля превосходно обработана; богатые пашни, многочисленныя хозяйственныя строенія, красивыя селенія, чрезъ которые пролегаетъ дорога, придающъ странѣ видъ, тѣмъ болѣе привлекашелейный для путешественника, что онъ только выѣхалъ изъ суровыхъ горныхъ ущелій. Здѣсь преиму-

■

иссшвенно воздѣлывается пшеница, копорая въ хорошіе годы даетъ урожаю 80-е зерно. Съ правой стороны дороги видѣли мы знаменитую пирамиду Чолульскую, памятникъ временъ Тольтековъ, копорые въ послѣдствіи были вышѣснены и порабощены пришедшими съ сѣвера Асшеками. Этотъ памятникъ, Theocalli, имѣетъ 177 футовъ вышины; на тупой маковкѣ его стоитъ теперь часовня. На половинѣ дороги отъ Санъ-Маршина до Пуэблы есть мѣсто, съ котораго видны на горизонтѣ три извѣстные волкана въ Мексикѣ: Орисаба, Истацигуашль и Попокашепешль; два послѣдніе на четверть вышины своей были покрыты вновь выпавшимъ снѣгомъ, копорый днемъ спалъ, и только вершины сохранили свой вѣчный ледяной покровъ.

Мы пріѣхали въ Пуэблу еще рано днемъ, и охотно поѣхали бы да-

лѣе, если бы явился нашъ конвой, но это продлилось до поздняго вечера, и мы оспались ночевать. Улицы въ Пуэблѣ узки и крѣвы, зданія нечислы, и вообще видъ города непріятенъ; соборъ знаменитъ величиною и богатствомъ, а жители, 75,000 человекъ, изскупленные Католики.

Проспудившись въ горахъ, я легъ въ постель; однако же на другой день мы отправились рано утромъ. Погода была вѣтряная и холодная, дорога песчаная; страна въскорѣ удивила видъ плодородія, и близъ мѣстечка Пиналь мы опять проѣзжали чрезъ пихтовый лѣсъ, который также служилъ пристанищемъ бандитамъ. Пиналь стоитъ около 1,000 футовъ выше Пуэблы; далѣе страна безлѣсна, ровна, бѣдна водою, но мѣстами воздѣлана. Мощеная дорога построена во время Испанцевъ съ неимовѣрными трудами и

въ величественномъ видѣ; но теперь развалилась, и часто по ней невозможно бываетъ проѣхать. На протяжении около 13 легъ, почти до Пероте, дорога идетъ по степи, плоской, безлѣсной, невоздѣланной; горизонтъ вдалекѣ замыкается горами. Лѣтомъ, во время дождей, эта печальная пустыня сплошь подъ водою, а при проѣздѣ нашемъ нельзя было найти ни капли. Степь была покрыта густымъ туманомъ, который потомъ разсѣлся; но вѣрно содѣйствовалъ къ произведенію обманчивыхъ воздушныхъ явленій, отъ которыхъ голая степь казалась намъ поверхностью водъ, селеніемъ или лѣсомъ. Намъ попадалось навстрѣчу нѣсколько группъ вооруженныхъ всадниковъ: это явленіе каждый разъ наводило страхъ на нашъ конвой, который вѣрно отъ души желалъ, чтобы эти всадники исчезли въ возду-

хѣ, какъ Фата-Моргана; но тѣмъ живѣе была потомъ радость солдатъ, когда страшные кабальеросы добродушно подѣзжали и вмѣстѣ съ ними закуривали сигары. Послѣ каждой шаковой встрѣчи, храбрые наши воины одушевлялись веселымъ расположеніемъ духа, становились очень разговорчивы, часто вынимали сабли, и казались грозными, пока снова не выскакивали изъ опдаленнаго облака пыли новые всадники, которые налагали на нихъ глубокое молчаніе.

Около Пероше почва состоитъ изъ чернозема, и пошому воздѣлана. Мѣстечко это маловажно, и замѣчательно только, какъ единственная крепость во всей землѣ; но ее тѣмъ легче обойти, что она стоитъ на равнинѣ, въ углубленіи и въ сторонѣ отъ большой дороги.

II на слѣдующій день густой туманъ покрылъ страну за Пероше; мы

могли различать только ближайшіе предметы — деревья *osote*, родъ сосны. Въ мѣстечкѣ Ласъ-Вигасъ насъ уведомили, что далѣе уже нечего опасаться разбойниковъ, *ladro es*; въ слѣдствіе этого, наши провожатые, *las tropas*, насъ оставили. Дома въ Ласъ-Вигасъ построены изъ бревенъ, на подобіе нашихъ крестьянскихъ; также и въ слѣдующихъ деревняхъ до Халапы. Нѣкоторое продолженіе дороги покрыто чернымъ обгорѣвшимъ камнемъ, и напоминало намъ объ остаткахъ изверженій въ Агуакашланъ; но здѣсь уже разведены кактусы, и деревья *osote* мѣстами торчали между черными шлаками. Передъ домомъ одного крестьянина стояло сосновое дерево, и на немъ для продажи развѣшены были ананасы и бананы; множество ихъ и свѣжесть листьевъ доказывали, что жаркая страна, *terra caliente*, должна быть очень близко,

не смотря на суровость окрестности. Вскорѣ начали мы быстро спускаться; воздухъ становился теплѣе, и въ нѣсколько часовъ, съ краткими промежутками перѣзжали мы изъ пихтоваго лѣса въ полосы дубовъ, ежевики, сирени, дурмана, споявшаго въ полномъ цвѣтѣ; зашѣмъ слѣдовали персиковыя, апельсинныя деревья, плашаны, съ каждымъ шагомъ прозябаніе становилось роскошнѣе, страна воздѣланнѣе: передъ Халапою принималась она видъ прелестнаго сада. Влажность воздуха и его сильнѣйшее давленіе имѣли на насъ, береговыхъ жителей, чрезвычайно благотѣльное дѣйствіе, и мы шѣмъ живѣе наслаждались прелестями этой страны, столь чудесно украшенной природою. Невозможно вообразить роскошнаго, безконечно разнообразнаго прозябанія около Халапы. Этотъ красивый городокъ, хопя еще на высотѣ облач-

наго слоя, находяшся уже 3500 футами ниже Ласъ-Вигаса, и этой значительной разности обязанъ той особенности, что въ немъ могутъ произрастать распенія почти всѣхъ полосъ жаркой и холодной земли. Халапа славится здоровымъ, хошя и сырымъ климашомъ; изъ Веракруса уѣзжаютъ туда отъ желшой горячки, и ѣдущіе изъ Мексики проживаютъ въ Халапѣ нѣсколько времени, чшобы не вдругъ подвергнуться ушоминтельному жару неизменной полосы. Въ ожиданіи прихода Тиріона, Англійскаго пакетбота, изъ Фальмута, тамъ собралось уже изъ Мексики нѣсколько семействъ, къ копорымъ присоединились и мы.

Въ Халапѣ царствуетъ вѣчная весна; однако же во время нашей зимы, и когда на морѣ дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ бываетъ холоденъ; тогда часто идетъ и дождь. Увѣряютъ, что разница между на-

стоящимъ дождливымъ и сухимъ временемъ года въ Халапъ заключается только въ бóльшемъ или меньшемъ количествѣ выпадающей воды, потому что дожди бываютъ круглый годъ. Утѣшеніе для нашей оклеветанной Сипхи! Въ солнечные дни воздухъ нагрѣвается до умеренной температуры, кошорал ошибудъ не шановишя пѣгосиною. Такая погода стояла въ Вербное Воскресенье, и мы вполне насладились ею. Черезъ городскую площадь должна была проходить церковная процессія; для этого рано ушромъ перевели опшуда плодовой рынокъ въ ближнюю улицу, подъ самый нашъ балконъ. Безконечное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и качествъ всѣхъ плодовъ и овощей, принесенныхъ на продажу, было для насъ предметомъ истиннаго удивленія. Процессія прошла и мимо нашихъ оконъ; духовное пѣніе, множество зажжен-

ныхъ свѣчей, длинныя пальмовыя вѣш-
ви и обиліе прелестнѣйшихъ цвѣтовъ
придавали шествію особенный видъ,
который приковалъ все наше вни-
маніе. Процессіи въ три послѣдніе
дня Спрасной Недѣли, были слиш-
комъ театральны, и не могли намъ
понравиться, но для любителей зрѣ-
лищъ онѣ были дѣйствительно лю-
бопытны, и, можешь бышь, съ тою
цѣлю и учреждающся.

Халапа, небольшой городокъ съ
10,000 жителей, расположенъ амфи-
театромъ на холмистомъ мѣстополо-
женіи, окруженъ садами и лѣсами;
рѣчки журчатъ во всѣхъ направле-
ніяхъ; отдаленныя горы Орисаба и
Кофре де Пероте видныются на го-
ризонтѣ: видъ живописный. Мы гу-
ляли такъ часто, какъ позволяли
погода и здоровье моей жены, и каж-
дый разъ находили новыя красоты.
Въ находящемся неподалеку отъ го-

рода обширномъ саду, или лучше ска-
зашь, фермѣ, любовались мы сближе-
ніемъ весьма разнородныхъ растений,
каковы кофейныя деревья, картофель,
сахарный тростникъ, каменный лукъ,
корица, майсъ, пшеница, апельсинное
дерево, перцовое дерево, и прекрас-
нѣйшіе розовые кусты, которые по-
крывали стѣны дома отъ земли до
крыши.

Проведя девять пріятныхъ дней
въ этой прелестной долині, рѣши-
лись мы ѣхать далѣе, чтобы пош-
часъ съѣсть на Тиріонѣ, коль скоро
онъ прійдетъ въ Веракрусъ, а его
прихода, по всему вѣроятію, должно
было ожидать ежедневно. Мы поло-
жили ѣхать въ Спрасшную Субботу,
и наняли двое крытыхъ носилокъ,
literas, несомыхъ мулами; ѣзда въ ди-
лижансѣ неудобна по крутизнѣ доро-
ги и испорченности мостовой, а въ
носилкахъ безопасна и пріятна. Рано

ушромъ сѣли мы въ эши экипажи, и скорою рысью выѣхали изъ города. Едва проѣхали мы версшу, какъ увидѣли дилижапсъ изъ Веракруса, ѣхавшій тихимъ шагомъ, и узнали печальное извѣстiе, что за полшора часа предъ тѣмъ, на него напали разбойники, и ограбили. Изъ девяти пассажировъ въ каретѣ было пятеро мужчинъ, и дилижапсъ провожали восемь конныхъ солдатъ; не смотря на то, четверо разбойниковъ отважились напасть на нихъ; одного солдата они застрѣлили, другимъ ничего не сдѣлали, учтиво заставили дамъ выйти изъ кареты, и очистивъ се, спустились; говоря, добыча была значительна. — Мы продолжали путь; вскорѣ встрѣтились намъ и солдаты, которые несли убитаго своего товарища на носилкахъ. Мы проѣхали 14 легъ до Puente nacional, прежде называвшагося del Rey: это красивый

каменный мостъ чрезъ горное ущелье и рѣчку, который, какъ важный военный пунктъ, игралъ видную роль въ революціонную войну. Тутъ отдохнули мы и мулы отъ дневнаго жара, и пустились снова въ путь въ полночь, при лунномъ свѣтѣ. У одной деревни, мимо которой мы проѣзжали, зажжены были на полѣ большіе огни, около которыхъ расположились группами люди; намъ замѣтили, что человекъ два изъ нихъ подходилъ къ намъ, и совѣтовали ночевать въ деревнѣ, потому что въ окрестности не спокойно отъ дурныхъ людей, *malos gentes*. Мы поблагодарили за совѣтъ, и поѣхали далѣе. Съ каждою милею, которую мы проѣзжали, температура становилась ощутительнѣе, а съ восходомъ солнца наступилъ помпительный жаръ. Видъ страны носилъ признаки палящаго зноя: свѣжая, густая зелень, роскошное произра-
щеніе

исчезли, и только мѣстами, на ручьяхъ, тропическія растенія осыпали жижицы, поспроенныя подобно клѣщамъ, изъ бамбуковаго тростника, коихъ жищели опличались смуглостію опъ жищелей высокой полосы; встрѣчались также черныя, какъ уголь, семейства негровъ, но рѣдко, ибо въ Мексикѣ не дозволяется ихъ имѣть, да и нѣтъ въ нихъ нужды. Наша островищанка съ Уналашки очень удивлялась, увидѣвъ дикихъ попугаевъ, порхавшихъ въ кустарникъ.

Горы мало по малу исчезли, страна сдѣлалась плоскою, дорога песчаною; на насъ дулъ прохладный вѣтеръ, который все становился спяньѣ: не оставалось сомнѣнія, что мы недалеко опъ морскаго берега. Вдругъ видъ открылся, и передъ нами новалось море! Неописанная радость овладѣла нами; намъ хотѣлось бы обняшь каждую волну, которая чрезъ

низменный песчаный берегъ излива-
лась подъ наши носилки; нашъ сынъ
также кричалъ ошъ восхищенія, уви-
дѣвъ любезную, знакомую стихію, и
хотѣлъ выскочить изъ носилокъ, что-
бы приняться за любимую игру въ
Сыпхъ, бросающъ въ воду камешками.
Наконецъ увидѣли мы предѣлъ труд-
наго и опаснаго путешествія, и то
же самое море, которое омываетъ
берега Европы, и по волнамъ копо-
раго мы вскорѣ должны были достигъ
любезнаго опечеснва, вѣяло на насъ
освѣжающею прохладою.

Но Тиріонъ не приходилъ; желтая
горячка, спрашнаа vomita, могла ока-
заться въ скоромъ времени: наше же-
ланіе выѣхать изъ земли, по копо-
рой мы проѣхали 1,600 верстъ ошъ
одного берега до другаго, и безпокой-
ство возрасшали съ каждымъ днемъ,
и попому мы найдешъ еспесшвен-
нымъ, что послѣ десятидневнаго му-

чисельнаго ожиданія, мы отказались отъ Тиріона, и сѣли на Сѣверо-Американскій корабль, Анна Элиза, трехмачтовое судно въ 350 тоннъ, шедшій въ Нью-Йоркъ, и устроенный для пассажировъ.

Веракрусь такое извѣстное мѣсто, что я не могу сказать о немъ ничего новаго: и такъ, безъ замедленія, снимаемся съ якоря. 3-го Апрѣля, чрезъ 88 дней послѣ выхода нашего на Мексиканскій берегъ въ Санъ-Бласъ, мы вновь вспутили подъ паруса, надушыя благопріятнымъ вѣтромъ. Судно превосходно шло, и хотя въ послѣдствіи мы должны были бороться съ сильными противными вѣтрами, однако же достигли теченія залива, прошли мимо береговъ Кубы и южныхъ Штатовъ Сѣверной Республики, и чрезъ 19 дней вошли въ Нью-Йоркскій Заливъ.

Какое зрѣлище намъ здѣсь представилось! Сотни судовъ различнаго рода перерѣзывали просторный заливъ, при свѣжемъ вѣтрѣ, подъ всеми парусами; множество пароходовъ дымилося около насъ; по берегу стояли красивыя дачи и сады: это была картина, исполненная дѣятельности и благосостоянія, прелести и жизни, достойная своего предмета, Нью-Йорка, величайшаго, богачѣйшаго, многолюднѣйшаго торговаго города на всемъ материкѣ Америки. Вскорѣ показался непроходимый лѣсъ мачтъ на тысячахъ судовъ, окружавшихъ гавань, потомъ самый городъ. Чрезъ каждыя три минушы, приходили и опходили красивыя двухпалубные пароходы, наполненные людьми, кошорые имѣютъ дѣла въ Броклинѣ и Нью-Йоркѣ, и это продолжалось цѣлую ночь, весь день, и круглый годъ бываешь тоже. Анна Элиза приспала къ назначенному для

нея мѣсту; хотя уже былъ вечеръ, но мы сошли на берегъ, горѣ неперпѣніемъ посмотрѣвъ на знаменитый городъ. По улицамъ гремѣли нагруженные повозки, омнибусы, наемныя кареты, безъ числа; пѣшеходы толпились; зданія большею частію семиэтажныя, наполненныя магазинами, кладовыми, лавками, и превосходно освѣщенныя гасомъ. Какое движеніе, свѣтъ, богатство, разнообразіе, поражали насъ! Сутки, проведенныя нами въ Нью - Йоркѣ, были для насъ чрезвычайно занимательны и любопытны.

Но время не терпѣло; намъ нельзя было терять ни одного дня, и мы чрезъ 24 часа сѣли на прекрасный Американскій пакетбоушъ, Ушика, въ 600 тоннъ, съ 40 пассажирами, тотчасъ подняли паруса, и послѣ 30-дневнаго, довольно бурнаго плаванія, вошли въ Гавръ, гдѣ дымился Гамбургъ.

скій пароходъ въ ту мину, какъ мы сошли на берегъ; чрезъ два часа мы были уже на этомъ пароходъ, и на дорогъ въ Гамбургъ, куда пришли въ 51 часъ, и чрезъ Любекъ на пароходъ Николай I, въ пріямномъ обществѣ, достигли, 4-го Іюня, вожделѣнной цѣли нашего путешествія. Три дивизіи линейныхъ кораблей, фрегатовъ и меньшихъ судовъ, раздѣленные на нѣсколько эскадръ, крейсировали между Гогландомъ и Кронштадомъ; я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту армаду, и слѣдовалъ глазами за ея эволюціями: зрѣлище было разительное и величественное! Не менѣе удивили меня новыя укрѣпленія въ Кронштадтѣ. Все свидѣтельствовало о дѣятельности творческаго духа, который довершаетъ обширныя дѣла Великаго Петра.

2007095515